

Донбасс на экране.
О двух разных фильмах
стр. 15

П Е Т Е Р Б У Р Г С К И Й Диалог

ПЕРВАЯ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКАЯ ГАЗЕТА

Гамбург—Средняя Олёкма.
Как любовь завела в Сибирь
стр. 16

Декабрь 2018

№4 (8)

Под подозрением.
Что делают германские фонды
в России

стр. 3

Историки поверх политики.
Диалог Чубарьян—Млечин

стр. 8

Нелюбимая дата.
100 лет немецкой революции

стр. 11

Ни слова.
Когда журналисты
не хотят разговаривать

стр. 9

ОБОРОНА

Как Трамп и «Брексит» помогли единой армии Европы

Европа медленно и осторожно движется к созданию единой армии.
Как происходит это движение, зачем и против кого нужно объединять военных?
Об этом для «Д» рассказывает Йоханнес Ляйтхойзер.

Похоже, Ангела Меркель все же готова поддержать инициативу своего французского коллеги Эмманюэля Макрона. В середине ноября в Европарламенте она заявила: «Рано или поздно мы должны будем создать настоящую европейскую армию». Пока этого не произошло, решающую роль в европейской оборонной политике сможет играть инструмент, получивший название PESCO — «Постоянное структурированное сотрудничество» (Permanent Structured Cooperation).

Девять месяцев назад большинство государств Евросоюза сделали самый большой за всю историю ЕС шаг к созданию общеевропейской армии. Впрочем, речь идет не о каком-то знаменитом решении: не появилась ни единой военной формы, ни единообразия в оружии и технике, ни даже общего верховного командования. Зато теперь есть правила, открывающие дорогу

Йоханнес Ляйтхойзер

для взаимодействия отдельных европейских государств в формировании определенных военных структур и выработке компетенций.

Такой пример: по предложению итальянцев специалисты из вооруженных сил ряда европейских государств уже конструируют новую бронемашину пехоты. А по инициативе Германии еще шесть стран ЕС участвуют в создании Европейского медицинского командования (European Medical Command), которое сможет координировать и обеспечивать медицинское сопровождение всех военных операций ЕС, допустим, в Африке. До сих пор каждый член альянса, участвующий в таких операциях, вынужден самостоятельно достигать соответствующих договоренностей и оформлять их.

Около десяти месяцев назад европейские министры обороны договорились о 17 подобных совместных проектах, количество которых планируется постепенно наращивать.

>> стр. 4

ЭКСПЕРТИЗА

«Мы не миссионеры»

На фоне ухудшения экономических перспектив немецкие общественно-политические фонды, несмотря на политический кризис, продолжают свою работу.

Корреспондент «Д» Галина Дудина пообщалась с их представителями, чтобы узнать, чем и для чего они занимаются в России.

«Сокровища, которыми можно гордиться»

Дощатый пол, белые крашенные стены с постерами и плакатами, обширная библиотека — такое ощущение, будто ты в гостях в Берлине, а не в центре Москвы. Так выглядит офис московского филиала Фонда имени Фридриха Наумана. Про фонд, появившийся в послевоенной Германии и названный в честь пастора и литератора Наумана, принято говорить: близок к либералам из Свободной демократической партии Германии (СвДП). Юлиус фон Фрайтаг-Лорингхофен, руководитель московского бюро и один из семи его сотрудников, тоже член СвДП, хотя это и необязательное требование.

«Мы представляем не интересы немецкого государства, а интересы части немецкого общества, — объясняет он

Галина Дудина

мне. — Если посольство и Гёте-институт — это официальные структуры, то мы — часть политической системы страны, как социал-демократы, христианские демократы или левые».

Первая общественно-политическая околупартийная организация появилась при Социал-демократической партии Германии еще в 1925 году, а в послевоенной Германии подобные Stiftungen — фонды — сформировались при всех политических партиях. Все они были названы в честь видных партийных деятелей или идеологов. Так, интересы консервативного Христианско-демократического союза (ХДС) представляет Фонд имени Конрада Аденауэра. Баварский партнер ХДС Христианско-социальный союз, связан с Фондом имени Ханса Зайделя.

>> стр. 3

МНЕНИЕ

Музыка бряцанья оружием

Если ядерное сдерживание есть форма холодной войны, значит, холодная война возобновилась?

Ответ на этот вопрос ищет Петер Кепф.

Более 58 лет назад, когда Европа была разделена на два лагеря, а трансатлантический альянс казался неизбежным, Джон Ф. Кеннеди заявил: «Все мы — каждый мужчина, каждая женщина, каждый ребенок — живем под ядерным дамокловым мечом, висящим на тончайшем волоске. И этот волосок в любой момент может быть перерезан — случайно, в результате просчета либо в силу идиотизма. Оружие войны должно быть уничтожено раньше, чем оно успеет уничтожить всех нас».

И правда, Советский Союз и США за десятилетия холодной войны сумели достигнуть соглашений о контроле над вооружениями и их ограничении, прежде всего в ядерной сфере, в итоге приведших даже к частичному разоружению. «Холодный мир», который зиждился на «балансе устрашения», продержался вплоть до 1990 года. В Европе больше нет железного занавеса. Отношения между США и государствами, образующими ядро Евросо-

Петер Кепф

юза, пошатнулись — в частности, из-за того, что президент Трамп невысоко ценит принцип *pacis sunt servanda* («договоры должны соблюдаться»). Он вышел из соглашений, подписание которых состоялось во многом усилиями ЕС, таких как Парижское соглашение по климату или ядерное с Ираном. Россия уже давно снова стала значимым игроком, который вновь расширяет сферу своего влияния, вмешивается в конфликты по всему миру и готов устрашать ядерным оружием. Китай вооружается не только в экономическом, но и в военном плане. Есть и другие лидеры государств, которые делают ставку на конфронтацию и имеют ядерные амбиции.

Так что же — страх вернулся? Мы уже живем в условиях новой холодной войны?

Можно вспомнить: в городах Германии 80 тыс. сирен дважды в год «репетировали» сигнал воздушной, ядерной, биологической и химической атак.

>> стр. 2

ПАРТНЕРЫ

Договариваться пока не поздно

XX век должен научить русских и немцев договариваться хотя бы по тем вопросам, где нет очевидных противоречий.

Михаил Швыдкой, специальный представитель президента РФ, вспоминает Гёте, Наполеона, Вилли Брандта и Эгона Бара.

Более 200 лет назад в Эрфурте был знаменитый конгресс. На нем Наполеон встречался с Александром I и между прочим там же встретился с Гёте. Беседовали они о литературе, естественно, об искусстве и в какой-то момент затронули трагедию рока — трагедию судьбы. Наполеон в сердцах сказал Гёте: «О чем можно говорить, о какой трагедии судьбы можно говорить? Политика — вот судьба! Политика — вот это и есть рок!» Гёте, если верить его запискам, это суждение не понравилось.

Прошло больше 200 лет, и мы все время сталкиваемся с тем, что Наполеон был в какой-то степени прав... И не стоит думать, что Гёте к Наполеону относился плохо. Наоборот, он считал, что «Наполеон — это квинтэссенция человечества». Почему великому писателю тогда не понравилась мысль его кумира о политике и судьбе? Я думаю, он был слишком немецом для того, чтобы рок — великую мощь человеческого бытия и космоса — свести к какой-то, в общем, политике. Но мы в XXI веке оказались свидетелями того, как политика может диктовать экономике. И диктовать абсолютно жестко, абсолютно беспощадно, не принимая в расчет интересы ни крупного, ни мелкого бизнеса.

После 2014 года Германия перестала быть нашим крупнейшим экономическим партнером. У нас был товарооборот порядка €100 млрд! И он постоянно увеличивался. И вдруг он рухнул. Сейчас мы говорим о том, что в прошлом году было 20% роста и это большая победа. Сегодня говорят о том, что в первом полугодии рост этого показателя 28%. Но мы прекрасно понимаем, что тут очень много зависит от цен на энергоносители: цена на энергоносители повысилась, товарооборот увеличился. Нет никакого качественного изменения в структуре нашего товарооборота.

Совершенно очевидно, что сегодня для того, чтобы продолжать быть добрыми соседями и торговыми партнерами, мы должны признать несколько вещей. Немцы будут называть то, что произошло с Крымом, аннексией. Мы будем говорить о том, что Крым воссоединился с Россией. И это очевидная вещь. Мы будем в принципе очень сродно смотреть на то, что происходит на востоке Украины, потому что мы полагаем: целостность Украины, безусловно, существенная ценность для всей европейской политики. Это правда. Но пути достижения мира на востоке Украины мы будем рассматривать по-разному. И это реальность, которая сегодня существует.

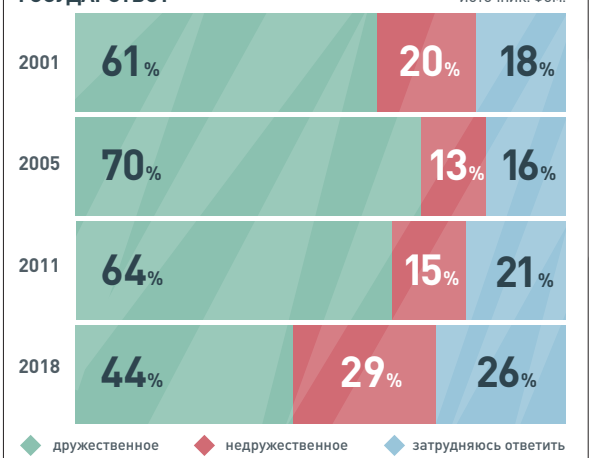
Нам же могут какие-то вещи казаться в германском контексте сложными. Все, что связано, например, с гипертонантностью немецкого общества в отношении меньшинств или уже «большинства»... Я не знаю, как это называть, но мы прекрасно понимаем, что для Германии это очень чувствительный вопрос. Потому что было нацистское прошлое, и отношение к либеральной толерантной идеи в обществе — это очень важная ценность для немцев. И это мы должны уважать и понимать, иначе мы никогда не сможем вообще вести никакой диалог. Так же, как и вы должны понимать, что у нас есть свои определенные ценности, которых мы придерживаемся. Хорошие они, плохие — я сейчас это не обсуждаю. Они по понятным причинам несколько отличаются от тех, которые сегодня в немецком обществе существуют. Если мы признаем это, то не будем так остро реагировать на определенную критику с немецкой стороны, а немцы не будут обижаться на нашу.

Но настолько все, повторю, политизировано, настолько все нервно, настолько все остро, и каждый момент отражается на отношениях немцев с русскими, что это зона взаимного понимания — именно то, что может сделать «Петербургский диалог» сегодня. Нельзя переступить грань уважения друг к другу.

>> стр. 2

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ГЕРМАНИЯ — ЭТО ДРУЖЕСТВЕННОЕ ИЛИ НЕДРУЖЕСТВЕННОЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К РОССИИ ГОСУДАРСТВО?

ИСТОЧНИК: ФОМ.

◆ дружественное ◆ недружественное ◆ затрудняюсь ответить

ВСТРЕЧИ

Чего пугаются деньги

Впервые на проходивших в Москве «Потсдамских встречах» полноценными участниками дискуссии были не только политики и парламентарии, но и предприниматели.

Корреспондент «Д» **Павел Апрелев** побывал на круглом столе российско-немецкого бизнеса.

Председатель Российско-Германской внешнеторговой палаты Маттиас Шепп задал неформальный и живой тон дискуссии. Бывший глава представительства журнала Der Spiegel в Москве выступил скорее как журналист, чем как осторожный предприниматель. Если настроение большинства работающих в России немецких бизнесменов могут характеризовать тревога и большой вопросительный знак, то символами выступления Шеппа скорее были плюс и большой знак восклицательный. Санкции санкциями, а в прошлом году немецкие инвестиции в Россию составили €1,6 млрд, а это больше, чем накануне украинского кризиса.

Глава торговой палаты довольно ясно объяснил своим недоверчивым немецким коллегам причины оптимизма. Во-первых, низкий курс рубля, благодаря чему в валюте можно купить в России то, за что, скажем, в 2012-м той же суммы хватило бы лишь на половину покупки. Самый, возможно, квалифицированный в странах БРИКС персонал, готовый, опять же в сегодняшнем пересчете на валюту, работать за зарплату, близкую к китайской. При этом полчища работы на европейском предприятии русские в высшей степени лояльны.

В разговоре немецкие бизнесмены, конечно, не выразили большой радости от того, что, скажем, в Москве почти нет безработицы, а значит — конкуренции за рабочие места. Не понимают они и того, почему в таком запустении отечественное профобразование. Пожалуй, ста, говорят, берите пример с немецкого, где каждого поступившего учат не просто в училище, а в училище при крупной компании.

Недавно, как вспоминал Шепп, праздновал свой юбилей российское предприятие немецкого шинного гиганта Continental. Лучшее из 27 разброшенных по миру предприятий этой компании. Директор, выступая, именно выделил качество рабочих, их преданность компании и еще потрясающую русскую инженерную школу.

Докладчик Маттиас Шепп и сопредседатели «Потсдамских встреч» Леонид Драчевский и Маттиас Плацек

«Начальник смены из Калуги, — сказал немец, — едет на любое наше зарубежное предприятие и обучает там персонал».

В целом немецкий бизнес видит, как в России улучшается инвестиционный климат. В 2011 году Россия еще была 124-й по этому показателю, сейчас — 31-я. Кто-то вспомнил, что еще в 1990-х никакой бизнес не

существовал, почему процент локализации вплоть до десятых задает не конкретная экономическая ситуация, а чиновник, сидящий в московском кабинете.

Российский гражданин с его огромным историческим опытом обходить все и всяческие законы, наверное, слабо представляет, какой переполох среди западных предпринимателей вызывает свободные от любого экономического содержания экспромты наших депутатов — и не только их. Когда в Думе подготовили закон о наказаниях за поддержку санкций, а он

из-за замороженных и неосуществленных сделок.

— Санкции — знак очевидного приоритета политики над экономикой, — говорил немецкий политолог Александр Рар. — Напомним, их целью было заставить Россию изменить свою украинскую политику. Потом появились санкции просто для того, чтобы разрушить ту или иную сферу российской экономики, потом «дело Скрипаля»... Таким образом, первоначальная цель оказалась давно утраченной.

Как всегда, российские участники доказывали, что санкции

ближе советника главы российской Торгово-промышленной палаты Георгия Петрова, это уже действительно так: в инвестициях в российские предприятия сейчас лишь 1,9% иностранных средств и 59% — собственных.

В какой-то момент сопредседатель «Потсдамских встреч» бывший премьер-министр Маттиас Плацек не дал оптимизму отпраздновать окончательную победу. «Опустим жалюзи и все закончим» — этот знакомый Плацеку прогноз нескольких крупнейших немецких банков может, по его предположениям, сбываться буквально через несколько месяцев. Связан пессимизм с возможным расширением санкций на банковский сектор.

— И все-таки, — сказал Плацек, — самая большая их проблема — это неуверенность. Санкции развили у наших людей комплекс, как будто они что-то украли.

Не будь санкций, мы бы уже сейчас вышли на совершенно иной уровень экономических отношений — об этом говорил и российский сопредседатель встреч исполнительный директор Фонда имени Горчакова Леонид Драчевский, и недавний российский посол в Берлине Владимир Гринин. Какими бы ни были намерения, ни мир, ни экономика не могут развиваться по командам из одной столицы.

В России, возможно, самый квалифицированный в странах БРИКС персонал, готовый работать за зарплату, близкую к китайской

был возможен, если не найдешь ключ к губернатору. Это в основном были 60–70-летние люди, с которыми нужно было поохотиться, сходить в баню, подолгу и не раз сидеть за столом. Сейчас у руля молодые технократы, которым вообще чуждо такое проведение времени.

Нет, конечно, причин быть скептическими, а часто и недоброжелательными чиновниками у немецкого бизнеса немало. Немцы понимают, а часто и разделяют политику локализации, но вот чего одобрить не мо-

жеть и тяжелы, но далеко не смертельны. Глава Объединенной судостроительной компании Николай Рахманов вышел за границы собственно экономики: «Санкции научили нас по-другому относиться к развитию, мы поняли, кто не бросит в беде, кто настоящие друзья». «А вообще, — заключил глава судостроителей, — санкционное давление имеет потолок. Это когда мы начинаем не горевать, а смеяться и говорим себе: ну ладно, придется пойти по своему пути, пусть долгому и трудному». Судя по ре-

касался практически любого западного предприятия, ряд крупнейших немецких компаний вызвал своих топ-менеджеров домой для консультаций: будем закрывать прямо сейчас или повременим? Санкции, санкции, санкции... О них говорили с разных сторон, по разным поводам, но с одинаковой неприязнью. У 109 опрошенных немецких предприятий потери от санкций выглядят так: €188 млн — краткосрочные убытки, около €1 млрд — общие потери

МНЕНИЕ

Музыка бряцанья оружием

>>> стр. 1

Благодаря этому граждане помнили о сохраняющейся угрозе и все время боялись, что холодная война перейдет в «горячую».

Как бы то ни было, множество соглашений по ядерному сдерживанию, выполненных или нарушенных, не отменяют того обстоятельства, что миру и сегодня угрожает опасность. Так что же — человечество по-прежнему висит на тонком волоске? Конечно, количество ракет и боеголовок удалось сократить, но точность их попадания повысилась. И потому сегодня справедливы слова, некогда произнесенные Кеннеди: мир может оборваться «по воле случая или в результате просчета либо в силу идиотизма». И Дональд Трамп, и Владимир Путин не скрывают удовлетворения своими ядерными ракетами. При этом обе державы противостоят друг другу в рамках «войн посредников», например в Сирии и Йемене.

«Глубокое недоверие времен холодной войны вернулось, — констатирует на своей страничке в Facebook бывший министр иностранных дел Зигмар Габриэль. — Если во второй раз остановить ядерную спираль не удастся, Центральная Европа и Германия вновь превратятся в арену ядерного безумия».

Габриэль стал одним из нескольких экс-председателей СДПГ, в числе первых подписавших призыв «Нет ядерной гонке вооружений в Европе». «Невозможно не замечать, что глубокое недоверие времен холо-

дой войны вернулось», — отметил он. И еще: сегодня не хватает «силового голоса, который вновь вернул бы в контекст реальности кажущуюся утопию — разоружение и создание совместной системы безопасности вместо вооружения, размежевания и вражды». Голосом за разоружение и совместную систему безопасности должны стать Германия и Европа.

Сегодня в поле зрения оказывается уже новый Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений, истекающий в 2021 году, в рамках которого Советский Союз и США установили лимиты по ядерному оружию (не более 800 систем-носителей и 1550 боеголовок). Если Трамп и Путин не станут продлевать этот договор, то никакого действующего соглашения о контроле над вооружениями между двумя державами не останется.

Но что движет Трампом? Для ответа на этот вопрос нужно помнить, что не все ядерные государства присоединились к Договору о РСМД: этого не сделали Китай, Индия, Северная Корея и Пакистан. Пусть рядом с ядерными ежами ведущих держав их арсеналы могут показаться комами, но то, что все стороны перешли к наращиванию вооружений, не может не волновать. «Нет ничего более насущного, чем возвращение к политике разоружения», — пишет поэтому Маттиас Насс. — «Вместо этого все вооружаются. Китай, Россия, а теперь с новой силой и США».

Очевидно, что Трамп стремится освободиться от оков, как он воспри-

нимает соответствующие соглашения. Его политика, по мнению большинства немецких аналитиков, направлена в том числе — а возможно, и в первую очередь — против КНР. Его советник по вопросам безопасности Джон Болтон недавно в Москве как бы в шутку проговорился: «Китайцы просили нас не выходить из Договора о РСМД. Если бы я жил в Китае, я бы просил о том же».

К слову, в китайском контексте от расторжения Договора о РСМД может выиграть и Россия. А вот для Европы такое развитие событий пред-

В городах Германии 80 тыс. сирен дважды в год «репетировали» сигнал воздушной, ядерной, биологической и химической атак

ставляет очень большую угрозу. Ведь по мнению Запада, Россия располагает крылатыми ракетами, способными нести ядерную боеголовку и преодолеть расстояние, разделяющее Калининград и Берлин. Зачем России такое оружие? Николас Буссе первым описал пугающий сценарий в газете Frankfurter Allgemeine Zeitung: дескать, Путин разработал для России «новую военную доктрину». Ее цель — «прикрытие операций с применением конвенциональных вооружений возможностью ядерного удара». Конкретный пример: «Россия предпринимает интервенцию в Прибалтике и в случае попытки вернуть контроль над территорией угро-

жает НАТО ядерным ударом по целям в Европе». В России не замедлили наметнуть на такой сценарий сразу же после аннексии Крыма, пишет Буссе, «поэтому нельзя отмахиваться от него как от плода воображения НАТО».

Сторонники мира сейчас могут сказать: так проверьте такие подзвонки посредством выездных инспекций, прежде чем разрывать договор. Но, похоже, в этом не заинтересован никто. И потому мир стоит на пороге очередной ядерной гонки вооружений. Новая военная стратегия, утверждает Насс, уже проигры-

вается на военных учениях, ее девиз — «Эскалация ради дэскалации». США делают ставку на более компактное и более точное ядерное оружие, продолжает он. На модернизацию американского ядерного арсенала в ближайшие 30 лет в бюджете заложено около \$1,7 трлн. А среди прочих ядерных государств есть то, «которое стремится к такому же статусу мировой державы, что и у США», — это Китай.

Газета Suddeutsche Zeitung писала, какими могут оказаться последствия, если Америка и Россия начнут вооружаться: «Под вопросом может оказаться и Договор о нераспространении ядерного оружия, ведь вза-

мен отказа остальных государств от разработки ультимативного оружия ядерные державы обещали пойти на разоружение». Нарушение данного обещания чревато тем, что некоторые государства, подписавшие договор, «вскоре, следуя примеру Северной Кореи, могут задаться вопросом, не будет ли небольшой ядерный арсенал наилучшей гарантией их выживания». Согласно этой логике, речь идет об инструменте сдерживания, который давал удовлетворительный результат в годы холодной войны прошлого столетия.

«Ядерное сдерживание вернулось», — писал, в частности, Петер Рудольф из департамента США в Фонде науки и политики. — Надежды на отход от системы сдерживания посредством ядерного разоружения разбиты. Подчеркнем: сдерживание подражает, что при нападении на одно из государств НАТО «альянс может нанести агрессору ущерб, неприемлемый и в разы превосходящий ту пользу, которую тот ожидает извлечь из акта агрессии».

Тем, кто считает, что сдерживание давало нужный эффект, Рудольф возражает: это не более чем «гипотетическое предположение». Война между ядерными державами отнюдь не исключена. То, что такая война не была развязана вследствие просчета или ошибки, — это или просто удача, или сочетание человеческого благодушия и до сих пор хорошо функционирующей системы контроля над вооружениями. В условиях эскалации кризиса нанесение пер-

вого удара не исключено. «Стабильность системы сдерживания нельзя считать данностью», — подчеркивает он. Напротив, технологический прогресс приводит ко все более хрупкому равновесию, ускорению процесса вооружения и росту агрессивности.

100 лет назад европейцы были буквально ошеломлены плодами чудовищной войны с применением нового оружия такой убийственной силы, которую раньше невозможно было себе представить. Но очевидно, что случится, если в XXI веке снова заговорят пушки. Вероятно, в наше время нужно быть довольным, если сильные мира сего развязывают «всего лишь» холодную войну, а не впадают в «идиотизм» и не затевают Третью мировую. С другой стороны, не стоит так серьезно воспринимать каждое слово и каждый жест лидеров мировых держав. Складывается впечатление, что большинство из них говорят определенные вещи для своих сторонников и для себя.

Было бы хорошо, если бы Европа сумела договориться и не допустить появления нового ядерного оружия на континенте. Но, к сожалению, президент одной европейской страны уже заявил о готовности поддержать его размещение.

Избавить мир от такого оружия удастся только совместными усилиями. Это показывают договоры, которые сегодня нарушаются, аннулируются или же и первое, и второе. Если каждый будет действовать только в собственных интересах, мира ждать не приходится.

ПАРТНЕРЫ

Договариваться пока не поздно

>>> стр. 1

Мы все-таки должны помнить: был 1970 год, когда Вилли Брандт и Эгон Бар нашли контактеров в Советском Союзе. С этого начался новый этап в восточной политике. Это было. И это было в условиях значительно более непримиримых, чем сегодняшние. Кто-то скажет: тогда были правила. Но правила тех лет были не самыми лучшими на самом деле. Сегодня каждый понимает правила по-своему. Поэтому если мы хотим всерьез думать о будущем, то мы должны найти какие-то новые принципы взаимодействия между Германией и Россией в экономике, в политике, в культуре, в среде гражданского общества. По одной простой причине: сегодня слишком много людей в России считают, что Европа одряхла, что Европа больше не партнер, что у вас свои проблемы, что Германия задыхается под напором эмигрантов, ну и так далее. Есть люди, которые не устают об этом говорить и считают, что у нас есть только один путь — на Восток. И якобы именно это надо принимать.

Я же считаю, что Россия, как и Германия, надо принимать тот путь, который отвечает интересам народов. А их связывает тысячелетняя история. В ней есть момент, который выстрадан трагедиями двух наших народов. Этот момент начался в 1970-е годы и привел к примирению после войны. Это колоссальная ценность, которую нельзя потерять. Колоссальная. Но если бы не было до этого девяти веков наших отношений, если бы до этого не было Екатерины Великой — главной немки, главной русской императрицы, если бы до этого не было замечательных русских женщин, которые были женами монархов немецких, тогда бы мы в XX веке никогда бы так быстро не примирились. История слишком серьезная ценность, которую нельзя и невозможно потерять.

Знаете, как сложится XXI столетие? Когда живешь сиюминутной политикой об этом не очень задумываешься. Мы в основном друг друга договариваем: будет так или будет иначе. А ведь нам нужно думать на опережение. А мы тянем и тянем экономику, которая досталась нам в наследство от прошлого столетия. Это разве не очевидно?

У нас сегодня есть один шанс очень серьезный, с моей точки зрения. И при всем моем уважении к традиционному набору товарооборота мне кажется, что сегодня наша задача — реализовать ту «дорожную карту» в области академического сотрудничества, академических обменов, партнерств, которые сегодня создаются в ведомстве федерального министра по науке и в нашем Министерстве науки. Стоит сделать эту «дорожную карту» на следующие десять лет, понимая, что именно в этом сегменте мы можем оказаться лидерами. Ясно же, что ни Россия в одиночку, ни Германия в одиночку лидерами мировыми в опережающем развитии науки, видимо, стать не смоут. Будем на этот счет реалистами.

Да, мы живем в политическом мире. И никуда от этого не денемся. Как говорил Эгон Бар, «есть проблемы, по которым невозможно договориться сегодня — отложим их в сторону, найдем проблемы, где мы сейчас можем договориться». И я думаю, что тут у Германии и у России есть очень широкий выбор. Там, где мы можем договориться, надо договариваться.

Статья подготовлена на основе доклада Михаила Швыдкого на последнем Форуме «Петербургский диалог».

ЭКСПЕРТИЗА

«Мы не миссионеры»

>> стр. 1

К Социал-демократической партии Германии близок Фонд имени Фридриха Эберта. К Партии зеленых — Фонд имени Генриха Белля. К «Левым» — Фонд имени Розы Люксембург.

«Опыт тоталитаризма в послевоенное время сформировал убеждение в необходимости заниматься просвещением, общественно-политическими темами, работать с людьми. И это стало важным фактором в создании немецких фондов, которые затем расширили свой ареал: мы исходим из того, что для Германии лучше, если вокруг существуют демократические страны — это гарантия стабильности», — рассказывает бывший собкор газеты Die Zeit в Москве Йоханнес Фосвинкель, теперь возглавляющий московское бюро другого немецкого фонда — имени Генриха Белля. Как и практически все его коллеги из других фондов, он чисто говорит по-русски. В Москве представлены все шесть немецких околопартийных фондов. Первыми свое «посольство» еще в 1989 году открыли социал-демократы, за ними после распада СССР стали подтяги-

Скажем, я считаю, что эти санкции абсолютно неправильные, потому что они ухудшают жизненные условия населения». Она объясняет: быть в оппозиции не значит быть противником системы, а значит пытаться ее изменить, например в сторону большей социальной справедливости и солидарности. «Мы это не делаем в интересах какого-то государства или какой-то организации. Главное, что нас волнует, — это люди, их интересы и положение», — убеждает Керстин Кайзер.

От образования до панк-рок феминизма

Из поверхностного знакомства с сайтами московских бюро легко складывается впечатление, что основное их занятие — разговоры. Форумы, круглые столы, экспертные панели, конференции и семинары, а к ним исследования и публикации готовятся по самым разным темам: от организованного Фондом Фридриха Эберта российско-германского форума креативных индустрий до сборни-

Керстин Кайзер:
«Мы не „адвокаты“ Берлина»

Юлиус фон Фрайтаг-Лорингофен:
«Мы представляем интересы не государства, а части общества»

ваться и другие. Все шесть фондов активны и в других регионах — например, Фонд Конрада Аденауэра работает в 120 странах мира.

По словам кандидата политических наук, доктора философии Боннского университета и старшего научного сотрудника ИНИОН РАН Светланы Погорельской, представленные за рубежом фонды одновременно акторы и инструменты германской внешней политики, действующие в интересах страны и близких им партий. «Она работает в тех странах, где они нужны Германии и своим партиям, а в России они всегда будут им нужны», — говорит эксперт, опубликовавшая посвященную фон-

ка Фонда Розы Люксембург по панк-рок феминизму. Международное и культурно-историческое сотрудничество, экологическое развитие, рыночное хозяйство, гражданское общество, правовое государство — кому что ближе в зависимости от идеологии и убеждений «ведущей» фонд партии. Например, Фонд Фридриха Эберта занимается политическим и общественным образованием «для приобщения к демократическим позициям и представлениям о ценностях», политическими консультациями, поддержкой международного сотрудничества, одаренных студентов и молодых ученых (в том числе через стипендии), научно-исследовательской деятельности.

Представители фондов обрисовывают круг принципов работы так: выбираются важные для них темы, но так, чтобы дискуссия обогащала и внутрироссийский диалог. При этом они стремятся задействовать как негосударственных игроков, так и государственных, свести между собой представителей различных политических взглядов и направлений, образовательные, благотворительные и общественные организации. Внутриполитических вопросов стремятся избегать, в своей деятельности стремятся к максимальной прозрачности.

Финансирование деятельности фондов идет как из федерального германского бюджета, так и напрямую от отдельных министерств под целевые траты: МИД ФРГ может поддерживать какой-то из проектов, связанный с развитием политического диалога. Главное — чтобы политическая партия, с которой связан фонд, была представлена в Бундестаге (то есть набрала более 5% на выборах). Какую часть из этой суммы тратить затем на региональные направления, в том числе на работу в России, фонды решают сами. Общая сумма годового финансирования шести работающих в Москве политических фондов, близких к немецким партиям, по оценкам «Д», составляет порядка €1,5 млн.

«Когда нас ставят в один угол со шпионами, Россия и Германия больше не смогут нормально работать»

«Фактически мы стали свидетелями рождения современной России: мы всегда были тут, рядом, и стремились сопровождать развитие страны и российско-немецких отношений», — говорит глава московского бюро Фонда имени Ханнса Зайделя Ян Дрезель. Но политическая обстановка изменилась в 2012 году. После того как Госдума приняла закон о так называемых иностранных агентах, волна массовых проверок НКО докатилась и до немецких фондов. В марте 2013 года прокуратура провела в Петербурге проверку филиалов фондов имени Фридриха Эберта и Конрада Аденауэра. У последних изъяли компьютеры. Оргтехнику в итоге вернули: Генпрокуратура завершила проверку в рекордно сжатые сроки. Тем не менее политическая реакция была бурной. Посланника посольства РФ

«Мы чувствуем, что появление списков якобы „иноагентов“ повлияло на общественный климат. Многие люди и учреждения в России стали скептически относиться к иностранным организациям в целом, хотя мы совсем не подпадаем под такое определение», — говорит Клаудиа Кроуфорд, нынешний руководитель московского бюро фонда. — К счастью, мы работаем в России уже 27 лет. За это время у нас появилась целая сеть контактов, тех, кто нам доверяет, знает, как мы работаем и что мы хороший партнер для диалога. Это позволяет завязывать новые контакты, ведь обмен с Германией интересует многих людей и организации в России, хотя некоторые проекты мы не смогли продолжить. Так что проблема законодательства, как мне кажется, заключается в том, что оно подпитывает недоверие, затрудняет обмен и тормозит стремление населения в чем-то участвовать».

Следующий звонок прозвенел в декабре 2017 года. Тогда ряд российских политиков и экспертов потребовал проверить деятельность Фонда имени Фридриха Эберта в связи с тем, что он якобы финансировал поездку школьника из Нового Уренгоя, зачитавшего в Бундестаге на шумевший доклад о судьбе умершего в СССР германского военнопленного. По данным фонда, с их работой поездка не была никак связана. Это же потом подтвердили и в Новом Уренгее. Но дипломаты из России и Германии успели обменя-

Пеер Тшендорф: «Самое важное — создать платформу для диалога»

вызвали в МИД ФРГ, ему была выражена «озабоченность по поводу недружественных действий по отношению к многочисленным неправительственным организациям, в том числе по отношению к немецким фондам». Министр иностранных дел Гидо Вестервелле предупредил: «Препятствование деятельности фондов может нанести долгосрочный ущерб двусторонним отношениям». «В атмосфере, когда нас ставят в один угол со шпионами, политические фонды, а мы — Россия и Германия — по-прежнему считаем друг друга партнерами, больше не сможем нормально работать», — предупреждал в интервью Deutsche Welle тогдашний глава Фонда имени Конрада Аденауэра Ларс-Петер Шмидт.

«Мы чувствуем, что появление списков якобы „иноагентов“ повлияло на общественный климат. Многие люди и учреждения в России стали скептически относиться к иностранным организациям в целом, хотя мы совсем не подпадаем под такое определение», — говорит Клаудиа Кроуфорд, нынешний руководитель московского бюро фонда. — К счастью, мы работаем в России уже 27 лет. За это время у нас появилась целая сеть контактов, тех, кто нам доверяет, знает, как мы работаем и что мы хороший партнер для диалога. Это позволяет завязывать новые контакты, ведь обмен с Германией интересует многих людей и организации в России, хотя некоторые проекты мы не смогли продолжить. Так что проблема законодательства, как мне кажется, заключается в том, что оно подпитывает недоверие, затрудняет обмен и тормозит стремление населения в чем-то участвовать».

Следующий звонок прозвенел в декабре 2017 года. Тогда ряд российских политиков и экспертов потребовал проверить деятельность Фонда имени Фридриха Эберта в связи с тем, что он якобы финансировал поездку школьника из Нового Уренгоя, зачитавшего в Бундестаге на шумевший доклад о судьбе умершего в СССР германского военнопленного. По данным фонда, с их работой поездка не была никак связана. Это же потом подтвердили и в Новом Уренгее. Но дипломаты из России и Германии успели обменя-

и иностранных фондов — нет. «При этом многие независимые международные НКО — от Transparency International до „Международного Мемориала“ — уже объявлены в России „иноагентами“, а мы — нет. В конце концов, это политическое решение. Вероятно, нас воспринимают как важный фактор российско-германских связей», — признает глава бюро Фридриха Наумана Юлиус фон Фрайтаг-Лорингофен. «Хотя все видят, что Владимир Путин любит Германию больше, чем США, нам все равно приходится нелегко. Но понимаете, мы никого ни в чем не переубеждаем, мы не миссионеры, мы работаем строго в рамках закона и только с теми, кто приглашает нас и ищет диалога, поддерживаем прежде всего инициативы с мест», — убеждает он.

«Чтобы партнерские организации, с которыми мы работаем, не попадали в список „агентов“, приходится учитывать сложившиеся условия и искать новые подходы к поддержке проектов различных НКО, академических институтов, университетов, исследовательских центров или библиотек. Среди наших партнеров очень разные структуры — как по статусу, так и по взглядам или интересам», — добавляет представитель Фонда Розы Люксембург Керстин Кайзер. — Выходит, что Россия разрешает, чтобы деньги поступали из-за границы, но очень строго проверяет. Таковы правила игры. Иностранное политическое влияние стремится ограничить любое правительство».

Как бы то ни было, в условиях кризиса все фонды совпадают в понимании своей задачи: предоставлять платформу для диалога, особенно там, где оно затруднено. «Когда все хорошо, российско-германские связи и без нас прекрасно работают по официальным каналам. А во времена, как сейчас, именно фонды играют большую роль, ведь диалог сейчас особенно важен», — говорит Ян Дрезель (Фонд Ханнса Зайделя). «Одна из главных наших сейчас функций — попытаться понять, а куда мы вообще идем. Создание в сложные времена платформы для диалога, для взаимопонимания — вот самое важное», — поддерживает его Пеер Тшендорф (Фонд Фридриха Эберта). «Когда, например, в политической сфере намного труднее найти совместное решение или даже общий язык, прийти к консенсусу в оценке ситуации, тогда наша работа тем более важна: у нас бывают возможности способствовать контактам, развивать каналы коммуникации, которые если не перекрыты политиками, то затруднены», — говорит Йоханнес Фосвинкель (Фонд Генриха Белля).

«Сотрудничество — это не улица с односторонним движением. Немцы, которые принимают участие в наших мероприятиях, точно также получают лучшее представление о стране, как и люди из других стран — о Германии. И выбирая темы, мы думаем о тех, которые интересны для обеих сторон. Я ориентируюсь в своей работе на те темы, которые важны для наших партнеров и экспертов в России. Потому что я убеждена, что и Россия, и Германия заинтересованы в том, чтобы поддерживать хорошие взаимоотношения. Надо, чтобы мы могли открыто говорить и о том, что для нас всех важно, и о том, в чем у нас есть расхождения. Только так возможно выстраивать взаимопонимание», — заключает Клаудиа Кроуфорд (Фонд Конрада Аденауэра).

Политическая обстановка изменилась в 2012 году, после того как Госдума приняла закон о так называемых иностранных агентах

дам монографию. — Благодаря разнообразию представленных в России фондов они охватывают весь политический спектр возможных российских партнеров: от левых и неправительственных правозащитных организаций до парламента и государственных структур».

Она объясняет: фонды сопровождают и дополняют внешнюю политику, разгружая официальные каналы или же делая работу, недоступную дипломатическим структурам и организациям-носителям, ограниченным своим официальным статусом. «Сотрудничая с теми политическими силами, официальные контакты с которыми нежелательны по дипломатическим причинам, но которые обладают существенным внутриполитическим потенциалом, они обеспечивают плацдарм для будущего двусторонних отношений», — говорит Светлана Погорельская. — Фонды не подчинены диктату повседневной, оперативной политики и могут быть задействованы для реализации долгосрочных приоритетов. Не зря Гельмут Коль называл их „скровищами“, которыми может гордиться Германия».

«Наш фонд близок к Левой партии и представляет духовное течение демократического социализма. И мы не ощущаем себя официальным представителем или „адвокатом“ Берлина, — заочно полемизирует глава филиала Фонда Розы Люксембург Керстин Кайзер. — Мы не представляем и тем более не защищаем политику канцлера или нашего правительства. Вот я, например, в первую очередь, как левая, как человек с политическими левыми взглядами, критикую свое правительство за политику Германии по отношению к России.

САНКЦИИ

Желания без предложений

Россия и Германия оказались в одной упряжке стран, пытающихся, вопреки Америке, сохранить Иранскую ядерную сделку. Но в их плане пока удастся далеко не все. Политолог **Вероника Вешнякова** — о возникших проблемах.

Вероника Вешнякова

Выходе из иранской ядерной сделки президент США Дональд Трамп заявил еще в мае. Соглашение, над достижением которого его участники работали на протяжении десяти лет, было разрушено в одночасье. Фактически сделка еще существует, но в условиях восстановления санкций США в отношении Ирана ценность ее минимальна. Оставшиеся участники, несмотря на попытки сохранения сделки, не могут предложить Тегерану те экономические преференции, которые бы позволили ему нивелировать эффект от рестрикций Вашингтона. Будущее соглашения по-прежнему остается неопределенным.

Свое отношение к Совместному всеобъемлющему плану действий (СВПД) по иранской ядерной программе, предполагающему снятие всех санкций с Ирана в обмен на ограничение его ядерной программы посредством международного контроля, президент США выражал неоднократно. Трамп называл это соглашение не иначе как «ужасной сделкой», «худшей в истории США», которая не препятствует разработке ядерного оружия Тегераном. Несмотря на регулярные подтверждения со стороны МАГАТЭ о том, что Иран выполняет взятые на себя обязательства, подобные заявления Трампа вполне ожидаемы и находятся в русле его политики противодействия Тегерану и одновременного укрепления союзнических отношений с Израилем, придерживающимся еще более радикальных взглядов в отношении иранского режима. По словам Трампа, Вашингтон нацелен на заключение нового соглашения, которое охватывало бы не только ядерную, но и ракетную программы Ирана, а также учитывало его деятельность в Ближневосточном регионе. Для реализации такого плана американский президент решил использовать уже привычную ему стратегию максимального санкционного давления, которая продемонстрировала определенные успехи в переговорах с КНДР, а также активно применяется на российском направлении. Не исключено, что одной из целей санкций является также смена режима.

И действительно, первая волна санкций, вступивших в силу в августе, привела к обострению ситу-

Окрестности города Ахваз. Одно из крупнейших в Иране мест добычи нефти — «Марун-2»

ников и длительного торга между «евротройкой», США и Ираном.

Для начала «пятерка» стран-участниц, включая Китай и Россию, перераспределила обязанности США по СВПД, большая часть которых перешла к Великобритании. Страны ЕС, входящие в соглашение, заявили о намерении защитить свой бизнес, сотрудничающий с Ираном, от экстерриториальных санкций Вашингтона, выступив с идеей создать специальный механизм расчетов с Ираном (Special Purpose Vehicle). Предполагалось, что он сможет защитить финансовые трансакции европейских компаний, которые примут ре-

шения ЕС, но и изменившуюся риторику Вашингтона. Изначальные обещания полностью перекрыть продажу иранской нефти сменялись решением вывести восемь стран, включая Японию, Индию и Южную Корею, из-под действия экстерриториальных санкций.

Россия была единственным участником СВПД, который с самого начала безоговорочно поддержал Иран, открыто выступив против идеи Вашингтона о заключении нового соглашения. Москва заявила, что Иран невозможно запереть в своих границах и игнорировать его интересы на Ближнем Востоке. Речь, конечно, шла о Сирии, где Тегеран является стратегическим союзником Москвы, выступая в поддержку президента Башара Асада. При этом Россия, как никто другой, опасалась опрочетчи-

Москва заявила, что невозможно запереть Иран в своих границах и игнорировать его интересы на Ближнем Востоке

шение продолжить работу с Ираном после введения «второго пакета» санкций США. Первоначально механизм должен был быть запущен к 5 ноября, дате возобновления американских рестрикций, и касаться только европейских компаний. Но чем ближе приближалась дата, тем отчетливее вырисовывались контуры проблем, стоящих перед «евротройкой». Прежде всего крупный европейский бизнес, работающий с Ираном, начал массовый исход из страны, опасаясь санкций и логично выбирая США в качестве более приоритетного торгового партнера. Удержать кого-то было невозможно. Ставка делалась на малый и средний бизнес.

Со своей стороны Иран увязал соблюдение сделки с необходимостью ЕС обеспечить экономические выгоды для страны, которые свели бы на нет действие санкций. При этом Тегеран четко дал понять, что текущих усилий «евротройки» недостаточно. Демонстрируя свою готовность вернуться к разработке заморозенной ядерной программы, иранцы приняли решение наращивать мощности по обогащению урана, а также пригрозили выходом из сделки в случае, если ЕС не удастся запустить механизм к установленному сроку. Сделать это не удалось. Главной причиной стало нежелание стран размещать штаб по контактам с Ираном на своей территории из опасения навлечь на себя гнев Вашингтона. Тем не менее работа над механизмом продолжается, объявлено, что к нему может присоединиться любая страна. Иран также пока не покинул сделку. Причиной тому можно считать не только надежду на стра-

ных действий Ирана в случае, если он будет загнан в угол, и регулярно проводила встречи с властями страны, убеждая их остаться в сделке. Вместе с тем реальных экономических предложений Тегерану, кроме перехода на расчет в нацвалютах, публично Москвой сделано не было.

Создавшуюся ситуацию можно назвать безвыходной. Участники сделки за последние полгода так и не смогли объединиться и выработать совместный план действий по защите Ирана от американских санкций. Реальные шансы, что «евротройка» все-таки выберет страну, которая подпадет под удар Вашингтона, и запустит механизм, очень малы. Но даже в случае его запуска эффективность работы такого механизма не гарантирована, а охват компаний будет существенно меньше требуемого Ираном уровня. Перспективы новой сделки также ничтожны: Тегеран уже убедился в недоговороспособности Трампа и публично отказался от любых переговоров с США. Очевидно, что в Иране ждут президентских выборов 2020 года, чтобы вести диалог уже с новым американским лидером. Переговоры стран ЕС с Вашингтоном также не приносят успеха, а влияние России на Иран рано или поздно ослабнет под весом экономических проблем Тегерана. Китай реальной помощи Ирану пока тоже не предлагал. Таким образом, политические амбиции «пятерки» разбиваются об экономические факторы и лишь подтверждают доминирование Вашингтона. Сохранится сделка или нет — вопрос скорее риторический, ведь фактической выгоды ее участникам принести она уже не может.

Никто не хочет размещать на своей территории штаб по контактам с Ираном из боязни навлечь гнев Вашингтона

ации в стране и потере доверия населения к политике президента-реформатора Хасана Роухани, при котором был заключен СВПД. Тем не менее наметившийся не только общераспространенный, но и политический раскол не преодолел точку невозврата даже после второй, наиболее существенной волны санкций, ко-

торая последовала в начале ноября. Так, «второй пакет» напрямую затронул банковский и нефтегазовый секторы, привел к отключению Ирана от SWIFT.

Вопреки ожиданиям американского президента, Великобритания, Германия и Франция, являющиеся участниками СВПД, не при-

няли сторону Трампа и встали на защиту соглашения, хоть и с оговоркой, что разделяют озабоченности США в отношении ракетной программы Ирана и его деятельности на Ближнем Востоке, особенно на сирийском треке. Когда стало понятно, что избежать выхода Вашингтона из сделки невозможно, президент Франции Эммануэль Макрон даже предложил свой, компромиссный вариант нового соглашения, до заключения которого должно было действовать старое. Однако все попытки не увенчались успехом, и начался процесс спасения сделки силами оставшихся участ-

ОБОРОНА

Как Трамп и «Брексит» помогли единой армии Европы

>> стр. 1

В числе первых — создание сети логистических центров в Европе, после чего вооруженным силам каждой из стран вне зависимости от их размеров не придется самостоятельно организовывать снабжение своих зарубежных операций. А Центр сертификации военно-образовательных программ должен будет обеспечивать соответствие стандартов обучения во всех национальных армиях и сопоставимость отечественных эстонских мотопехотинцев с той, которую проходят их немецкие или испанские коллеги.

Европейцы еще острее осознали, что для решения конфликтов вблизи от их границ им больше нельзя полагаться на ведущую военную силу Штатов

25 из 27 государств—членов ЕС (за вычетом Великобритании, которая должна выбыть уже в марте) выразили принципиальное согласие на внедрение новой методики сотрудничества PESCO в сфере политики безопасности. Определение данной методики и соответствующая договоренность были зафиксированы в Лиссабонском договоре ЕС. Новизна (по меркам ЕС) такого сотрудничества состоит прежде всего в необязательности вовлечения всего сообщества, всех его членов без

исключения. Таким образом, вместо того, чтобы каждый раз склонять политические и военные инстанции 27 государств к поддержке какого-то определенного совместного проекта в военной сфере, например по разработке новой аппаратуры для подводного наблюдения, к нему смогут присоединиться только те страны ЕС, которые заинтересованы в соответствующих технологиях.

Помимо гибкого сотрудничества в рамках PESCO государства ЕС приняли и другие решения, направленные на последовательную гармонизацию военных компетенций и оснащения 27 стран-членов. Такие усилия сами по себе едва ли увенча-

ются появлением единых европейских вооруженных сил, даже если соответствующий политический запрос периодически подтверждается. Тем не менее они позволяют создать «европейский оборонный союз», способный к решительным и эффективным военным действиям.

Наряду с PESCO важным стимулом к такому развитию является и Европейский оборонный фонд, миссия которого ускорить процесс исследований и разработки нового оружия и военной техники. На-

чиная с 2020 года он должен будет ежегодно распоряжаться €1,5 млрд и финансировать проекты, совместно запланированные и заявленные несколькими государствами ЕС. В число первых проектов, которые получат финансирование из этого источника, войдет, например, разработка нового, более легкого и удобного пуленепробиваемого жилета для военнослужащих.

Есть две причины, способствовавшие оживлению военного сотрудничества в ЕС в последние годы. Основная из них — решение Великобритании покинуть Евросоюз. До голосования по «Брекситу» Лондон регулярно использовал свое влияние в Брюсселе, стремясь не допустить дальнейшие шаги к формированию совместной европейской политики безопасности и обороны. Англичане опасались ограничениями собственного военного суверенитета и к тому же считали, что совместные европейские вооруженные силы в итоге ослабят НАТО. После решения о «Брексите» военное сотрудничество в ЕС не замедлило интенсифицироваться: помимо PESCO и Европейского оборонного фонда правительства Евросоюза договорились о создании общей военной штаб-квартиры.

Избрание Дональда Трампа стало для европейцев еще одним стимулом к скорейшему углублению военного сотрудничества. Это обусловлено не столько сетаованиями президента США на заниженные военные бюджеты почти всех (ев-

Пока польская армия охотнее сотрудничает с американской, чем с соседями-европейцами. На фото: учения «Анаконда» недалеко от поселка Дравске Поморске

ропейских) членов альянса, сколько скорее его заявлениями о нежелании Америки продолжать играть роль мирового полицейского. В результате европейцы еще острее осознали, что для решения конфликтов вблизи от их границ, например на Балканах, Ближнем Востоке или же в Африке, им больше нельзя полагаться на ведущую военную силу Штатов и нужно позаботиться о собственной дееспособ-

ности. Этой цели подчинены все договоренности ЕС по сотрудничеству за последние два года.

Как ни парадоксально, наиболее мощный толчок развитию военного сотрудничества между европейскими армиями на повседневном уровне дает сам Североатлантический альянс. Новая натовская стратегия по сдерживанию российской политики агрессии породила целый ряд военных подразделений. Например, так называемое острое копьё — это силы быстрого реагирования, переброска которых в любую точку альянса по задумке должна занимать считанные дни. А многонациональные батальоны постоянного дислоцируются в странах Балтии и Поль-

ше, но регулярно осуществляют ротацию составляющих их частей.

Все эти новые формирования имеют многонациональный состав, в результате немцам и французам, норвежцам и нидерландцам, испанцам и чехам, равно как представителям всех остальных государств НАТО, приходится постоянно сотрудничать друг с другом в рабочем порядке на уровне рот. Здесь европейские партнерские намерения изо дня в день претворяются в жизнь — когда польские военные механики чинят нидерландский танк Leopard или когда немецкий командующий батальоном вырабатывает план участия норвежской воздушно-десантной роты в совместной в операции.

МЕДИА

Когда государства убивают

Ситуация вокруг политического убийства саудовского журналиста Джамала Хашокджи свидетельствует: сейчас во многих государствах нападкам и запугиванию подвергаются независимые судьи, оппозиционные СМИ и НКО.

Маркус Биккель

Саад Харири сидит прямо напротив Мухаммеда бен Сальмана, когда наследный принц отпускает в адрес своего ливанского гостя развязную шутку. Дело происходит в Эр-Рияде в конце октября, три недели спустя после предполагаемого убийства Джамала Хашокджи, до своей гибели бывшего, пожалуй, самым влиятельным журналистом в Саудовской Аравии. На экономической конференции «Инициатива по инвестициям в будущее» (Future Investment Initiative) Мухаммед бен Сальман впервые дает оценку устранению критически настроенного журналиста: «Это преступление стало болезненным ударом для всех саудовцев». Виновные, безусловно, понесут наказание, заверяет он. И, глядя уже на Саада Харири, продолжает: «Премьер-министр Саад на два дня задержится в Саудовской Аравии, так что, надеюсь, это не породит слухов о его похищении». Промкий смех, публика неистовствует, Мухаммед бен Сальман и даже Саад Харири явно довольны произведенным эффектом.

Годом ранее все было иначе. В ноябре 2017 года МБС, как часто называют 33-летнего наследника престола нынешнего короля Сальмана ибн Абдель-Азиза аль-Сауда, удерживал 48-летнего главу ливанского правительства под домашним арестом в Эр-Рияде. Мухаммед бен Сальман считал, что Саад Харири пошел на слишком большие уступки «Хезболле», и надеялся подтолкнуть его к более жесткому курсу в отношении организации, военизированные структуры которой представляют интересы Ирана в Ливане. Это дало результат: явно под впечатлением от пережитого Саад Харири в телеобращении объявил о своей отставке и резко атаковал ополченцев «Хезболлы», управляемых из Тегерана.

То, что спустя 11 месяцев наследный принц может публично шутить о таком эпизоде, много говорит о стиле правления. Источники в дипломатических кругах сообщают, будто Саад Харири в период ареста подвергся рукоприкладству со стороны саудовских сотрудников безопасности — пока не вмешалась Франция, чтобы добиться его возвращения в Бейрут. Это крайне неординарная операция даже для региона, где политических соперников редко выводят из игры по правилам демократии и где политические убийства десятилетиями воспринимаются как нечто обыденное.

Рассказывают, что Саддам Хусейн только при захвате власти в июле 1979 года собственноручно застрелил 22 человека из верхушки партии «Баас». Но есть и другой момент, делающий шутку Мухаммеда бен Сальмана насчет Саада Харири еще более не-

В Стамбуле прошла символическая похоронная молитва по убитому журналисту Джамалу Хашокджи

однозначной: отец последнего Рафик Харири в 2005 году был подорван в Бейруте. Комиссия под эгидой ООН впоследствии возложила ответственность на сирийский режим Башара Асада. По версии следователей, высокопоставленные шиты в «Хезболле» якобы осуществили преступление по заказу правителя-алавита.

Организация Объединенных Наций призывает к расследованию убийства Джамала Хашокджи. Берлин заморозил поставки вооружений Саудовской Аравии и объявил, что до завершения расследования ни одна новая оружейная сделка не получит одобрения.

Списать убийство журналиста на злостное стечение обстоятельств стало невозможным после того, как Реджеп Тайип Эрдоган стал крайне громко использовать случившееся в своих интересах. Турецкий пре-

«Страну ждет беспрецедентная для Бразилии зачистка», — заявил Болсонару

зидент конкурирует с Мухаммедом бен Сальманом за доминирование на Ближнем Востоке, и в конфликте вокруг Катара, и в отношениях с «Братскими мусульманами», и в связи с Ираном они находятся по разные стороны политического фронта. Подогревая интерес, сотрудники Реджепа Тайипа Эрдогана по капле делились с общественностью через местные и иностранные СМИ резонансными подробностями из стен консульства.

Вероятно, в помещениях консульства велась прослушка — глава ЦРУ

Джина Хаспел знакома с содержанием аудиофайла, который зафиксировал ход убийства, предположительно свершившегося за семь минут: 59-летнего мужчину оглушили, после чего отрезали ему пальцы на руках и обезглавили. Команда киллеров якобы состояла из 15 человек, и в их число входил и судмедэксперт, который посоветовал при расчленении тела Джамала Хашокджи слушать музыку через наушники. Останки журналиста не найдены до сих пор.

Убийство было совершено преднамеренно, заявила не так давно прокуратура в Эр-Рияде. Попытка все отрицать, аналогично тому, как это делает российское руководство в ситуации с отравлением отбывшего от рук агента Сергея Скрипаля, окончательно провалилась.

Здесь Россия не создает себе лишних проблем: вместо расследования по-прежнему делается ставка на отвлечение. Ничего не изменилось и после того, как, по утверждениям некоторых медиа, были идентифицированы двое высокопоставленных сотрудников российских спецслужб, в день покушения посетивших Солсбери якобы с целью туризма.

Впрочем, суть скандала вокруг Джамала Хашокджи образует, разумеется, не кустарные ошибки в медийном «осмыслении» убийства. Прежде всего дело в страхе перед дальнейшим укреплением авторитарных сил, способных хладнокровно организовывать подобные преступления. Катализатором такой динамики можно считать Дональда Трампа: его безудержная риторика еще во время предвыборной кампании в 2016 году подготовила почву для агрессивного настроенных сил. Не далее как в октябре в преддверии выборов в Конгресс в Монтане он лестно отозвался о тамошнем кандидате-республиканце Греге Джанфорте, который в 2017 году набросился на журналиста британской газеты The Guardian. «Парень что надо. С ним трудно совладать», — заявил президент.

щих речей лидера некогда свободного мира адресаты риторики как бы вдохновляются на то, чтобы снять с предохранителя револьверы. Независимые судьи, критические СМИ и НКО подвергаются целенаправленным нападкам и запугиванию, и это точит камни бастиона демократического сосуществования. Расправа с Хашокджи вписывается в целую череду убийств журналистов.

Три таких эпизода имели место посреди Европы. Так, в октябре в Болгарии изнасиловали и убили тележурналистку Викторину Маринову, которая в своей передаче рассказала о мошенничестве с деньгами ЕС на миллионы евро. За восемь месяцев до этого словацкий журналист Ян Куциак был застрелен киллером — он расследовал связь между мафией и правительством в Братиславе.

Наконец, год назад, в октябре 2017-го, на Мальте погибла журналистка Дафна Каруана Галиция, тоже нападшая на след коррумпированных политиков. Начиненный взрывчаткой автомобиль взлетел на воздух всего в нескольких сот-

подготавливает базу для ползучего разгрома правового государства.

По госзаказу ликвидируют не только журналистов, но и политических игроков, как это происходит на востоке Украины, где идет война. Часть политических наблюдателей считает, что еще одна гражданская война начинается в Бразилии, где президентские выборы в октябре выиграл ультраправый политик Жаир Болсонару. Спустя три десятка лет после окончания военной диктатуры он недвусмысленно заявляет, что симпатизирует авторитарной модели правления бразильской хунты, а также политическому стилю Дональда Трампа с характерным для него словачий журналист «Страну ждет беспрецедентная для Бразилии зачистка», — заявил он за несколько недель до своей победы.

Милитаризация риторики не проходит бесследно. Количества левых активистов, критически настроенных журналистов и даже простых граждан, которым угрожают физической расправой, за последние месяцы существенно увеличилось. В 2016

Убитая на Мальте журналистка-расследователь Дафна Каруана Галиция

нях метров от ее дома. Следствие задержало подозреваемых, но многие не без основания полагают, что заказчиков следует искать в правительстве: журналистские расследования Галиции свидетельствовали о торговле паспортами ЕС, отмычки денег и существовании офшорных фирм, благодаря которым Мальта при премьер-Джозефе Мускате смогла стать прибежищем для преступников.

Правительство в Валлетте затягивало расследование и тем самым способствовало размытию сложившихся демократических структур. Только при фактическом упразднении принципа разделения властей политики и чиновники могут заходить настолько далеко, чтобы заказывать критиков. Систематическое отстранение независимых судей, как это успешно практикуется на Мальте в контексте дела об убийстве Дафны Каруаны Галиции, а также в Польше,

году в стране было совершено около 61 тыс. убийств, в мире Бразилия занимала по этому показателю десятое место. Едва ли найдется другая страна, где гибнет такое количество активистов, выступающих за защиту прав, которые, по сути, должны гарантировать само государство.

Мало кто верит в торжество правосудия и в деле Джамала Хашокджи. Сообщается о задержании 18 подозреваемых, а также увольнении 2 высокопоставленных советников Мухаммеда бен Сальмана и 3 сотрудников спецслужб. То, что предположимый соучастник убийства в конце октября якобы погиб в ДТП в Эр-Рияде, вписывается в картину маскировки политических убийств со времен Джона Ф. Кеннеди. Не облегчает поиски виновных и то, что, вероятно, за кулисами уже достигнута договоренность о некоей сделке между Эр-Риядом, Анкарой и Вашингтоном, направленной на сохранение лица.

ЭКОНОМИКА

Интеграция интеграций

В уходящем году заканчивается председательство России в ЕАЭС. О том, что происходит в отношениях Евразийского экономического сообщества с Евросоюзом, заместитель директора Института Европы РАН Владислав Белов.

Владислав Белов

Для России Евразийский экономический союз (ЕАЭС) — важнейший проект. Основной интерес — сближение экономик стран «пятерки», содействие их развитию. В концепции внешней политики РФ сказано, что «ЕАЭС способен сыграть важную роль». За 2015–2017 годы был достигнут ряд позитивных результатов: рост внутреннего и внешнего товарооборота, расширение ассортимента продукции и услуг, улучшение структуры экспорта. Вступил в силу Таможенный кодекс. Было положено начало формированию единого цифрового пространства.

С 1 января 2018 года председательство приняла Россия. Среди ос-

новных целей особое место занимает реализация общей «цифровой повестки», в том числе формирование общих правил ведения цифровой торговли, создание единых стандартов обмена информацией и ее защиты, внедрение цифровых технологий в государственное управление, промышленность, системы таможенного регулирования. Для РФ важно достичь сближения валютно-финансовой и денежно-кредитной политики государств — членов ЕАЭС. В перспективе возможно создание единого финансового рынка.

В начале 2018 года Россия выразила заинтересованность в последовательном расширении сотрудничества ЕАЭС с другими государствами и объединениями (при этом Евросоюз не был упомянут). В течение года Молдавия стала наблюдателем при ЕАЭС. Были заключены временное соглашение о зоне свободной торговли с Ираном и соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским союзом и КНР. Продолжились переговоры по созданию зон свободной торговли с Египтом, Израилем, Индией, Сербией и Сингапуром.

С точки зрения партнеров России необходимо продолжать курс на повышение открытости ЕАЭС как важной предпосылки дальнейшего развития союза. В условиях противостояния РФ с коллективным Западом, которое резко обострилось в марте — апреле, реализация приоритета более тесного сотрудничества с иностранными партнерами в рамках российского председательства оказалась очень сложной задачей. По-

Брюссель отказывается предпринять какие-либо шаги для начала диалога с Евразийской экономической комиссией

нятно, что ЕС и ЕАЭС объективно заинтересованы в разносторонней кооперации. Понятно, что без тесного взаимодействия со структурами Евросоюза основные проекты ЕАЭС (особенно инфраструктурные) в рамках евразийского континента не могут быть полноценно воплощены в жизнь. Одна из основных причин — взаимный санкционный режим РФ и ЕС, который уже привел к росту

противоречий между Россией и Белоруссией с Казахстаном. Партнеры не поддержали российские контрсанкции, а также выразили недоверие снижением своего конкурентного транзитного потенциала.

Несмотря на очевидную востребованность, Брюссель отказывается предпринять какие-либо шаги для начала диалога с Евразийской экономической комиссией (ЕЭК). Основная причина — официальная

позиция ЕС в отношении России в связи с так называемой аннексией Крыма и конфликтом на юго-востоке Украины. Несмотря на давление, Кремль по-прежнему считает: в Киеве произошел антиконституционный переворот, поддержанный Западом, и очевидно грубое нарушение прав человека в Донбассе со стороны украинских властей. Сложилась патовая ситуация — когда Москва

и Брюссель связаны своими официальными позициями, от которых не могут отступить. Она переносится на отношения между ЕС и ЕАЭС. Очевидно также, что конфликт между РФ и ЕС по крайней мере в нынешних условиях решения не имеет.

Поэтому единственной альтернативой становится деятельность ЕЭК на установление официального диалога ЕАЭС с Евросоюзом. Это, кстати, может содействовать поиску вариантов вывода отношений России и ЕС из тупика. ЕЭК готова стать эффективным посредником в установлении контактов между двумя крупнейшими интеграционными группировками в Европе и на евразийском континенте. Круг вопросов, которые потенциально могут стать предметом для начала диалога ЕС — ЕАЭС, весьма разнообразен. Например, он может начаться с обсуждения существующих технических регламентов.

В течение текущего года ЕЭК предприняла значительные усилия на уровне экспертного сообщества для продвижения идеи о необходимости и пользе начала диалога между ЕАЭС и ЕС. С участием ее представителей

и экспертов прошли десятки конференций, круглых столов и подиумных дискуссий, большинство из них — в Австрии, которая стала одной из основных дискуссионных площадок, посвященной «интеграции интеграций». Новой площадкой обещает стать недавно созданный форум австрийской и российской обществественности «Сочинский диалог». Все это важно продолжить и в 2019 году, во время председательства Армении.

Москва в текущем году приложила немало усилий для учета интересов и потребностей своих партнеров по союзу, особенно Казахстана и Белоруссии. Кремль смог активизировать обсуждение происходящих в ЕАЭС процессов и через ЕЭК обеспечить внимание внешних партнеров, в том числе из стран ЕС: Австрии, Германии, Франции, Италии, Чехии, Греции. При этом, с возможностью взаимовыгодной кооперации. В сложных условиях жесткого противостояния России и коллективного Запада не произошло отчуждения ЕАЭС от глобального хозяйственно-политического пространства. ЕАЭС в 2018 году укрепился как мировой глобальный игрок.

ПРЕДПОЧТЕНИЯ

Конец последней народной партии?

Почему электорат Христианско-демократического союза (ХДС) уходит как к «Альтернативе для Германии», так и к «Зеленым» и что с этим можно поделать, рассуждает издатель «Д» Йоханн-Михаэль Меллер.

Йоханн-Михаэль Меллер

Репутацией страны, построенной после войны стабильную демократию, Германия обязана не в последнюю очередь стабильности своей партийной системы, сохранявшейся десятилетиями. Две большие «народные» партии попеременно обеспечивали социальный консенсус и политическое представительство в форме, позволявшей большинству избирателей «узнавать» свои взгляды. Формирование общественного политического мнения было под стать той общности, для которой социолог Гельмут Шельски в 1953 году нашел удачное определение — «нивелированное общество среднего класса».

Это было давно. После выхода «Зеленых» на политическую арену в начале 1990-х годов началась заметная фрагментация партийной системы уже и в Германии. Долгое время «Зеленые» воспринимались скорее как нагоняющее развитие, сближение с ситуацией в политических системах других индустриальных государств Запада, а не как постепенное ослабление интеграционного потенциала крупных «народных» партий.

Судьба итальянской Христианско-демократической партии начиная с 1990-х годов дамочным мечом висела над христианской демократией и в Германии. Тем не менее в свете успеха у избирателей все предостережения политологов казались ошибочными. Еще на выборах в Бундестаг в 2013 году христианские демократы и социалисты получили 41,5% голосов — немногим меньше, чем на пике своей популярности в 1960-е годы. При Ангеле Меркель они оказались единственной «народной» партией, которая могла успеш-

Казалось, вечные лидеры ХДС/ХСС Ангела Меркель и Клаус Зеэхофер сдают свои партийные посты

но противиться всем общественным изменениям и политическим распрям. Ценой все меньшей содержательной открытости ХДС/ХСС, как казалось, справлялась со своей давней политической задачей по интеграции, вопреки всем общественным процессам.

Иллюзия лопнула в 2015 году, и поворотную точку знаменует кризис беженцев. Катастрофа на выборах 2017 года, на которых ХДС/ХСС удалось получить всего 32,9%, выявила процесс эрозии, начавшийся много раньше — в парализующие годы «большой коалиции» его попросту не замечали.

В условиях, когда спад популярности «народных» партий казался проблемой преимущественно социал-демократов, ситуация в ХДС/ХСС оставалась вне фокуса. Для СДПГ явное, видимое падение началось с поражения красно-зеленой коалиции канцлера Герхарда Шрё-

дера. Истинные причины этого многие наблюдатели видят не столько в «большой коалиции», где социал-демократам изначально не удалось позиционировать себя должным образом, сколько в их неолиберальном отходе от своего электората и левой традиции.

Такая оценка обусловлена излишней заикливостью на ситуации только в Германии. В тот же период в Европе почти повсеместно началась отток из социал-демократических партий, причем электорат толпами переходил на сторону новых populistских сил. Бельгийский политолог Шанталь Муфф считает это вполне объяснимой реакцией на утрату социал-демократии своих политических ориентиров.

Но не столь однозначны объяснения нынешней слабости ХДС/ХСС. Можно винить в этом усиленный «репутационный износ» в условиях «большой коалиции» и падение авторитета канцлера Ангелы Меркель, не замечать которое уже практически невозможно. Поражение на выборах лояльного к ней председателя

фракции Фолькера Каудера явилось наиболее явным признаком продолжающегося ослабления ее власти.

Вероятно, более глубинные причины лежат в кризисе беженцев, который баварский министр внутренних дел и многолетний глава ХСС Хорст Зеэхофер назвал «матерью всех проблем». О том, насколько пло-

Причины лежат в кризисе беженцев, который баварский министр внутренних дел и многолетний глава ХСС Хорст Зеэхофер назвал «матерью всех проблем»

хо Союзу ХДС/ХСС удалось справиться с этой травмой, несмотря на все заверения в обратном, сегодня можно судить по подборке кандидатов на роль нового председателя. Миграционная политика вызывает их жаркие споры.

Опасность темы миграции для ХДС/ХСС обусловлена еще и тем, что она привела не только к отто-

ку консервативно настроенных избирателей к «Альтернативе для Германии» (АдГ) (а в Баварии — к «Свободным избирателям»), но и ставит под вопрос политическую интеграционную модель христианских демократов и социалистов. Не только потому, что у правого фланга партии вдруг зарождается новая национал-консервативная сила — одновременно почти столько же избирателей уходит к «Зеленым». Таким образом, под занавес эпохи Меркель спиной к ХДС поворачиваются не только консервативные сторонники, но и те, кто считал себя ее прогрессивным, черно-зеленым крылом. Для нового жизнеощущения совершенно неоднородного среднего класса зеленые оказываются более привлекательными.

Так что же остается христианским демократам? Каким может быть новый консенсус, который вновь станет одинаково привлекательным для правого и левого флангов? И где в ХДС та проекция, о которой хотели договориться новые общественные движения?

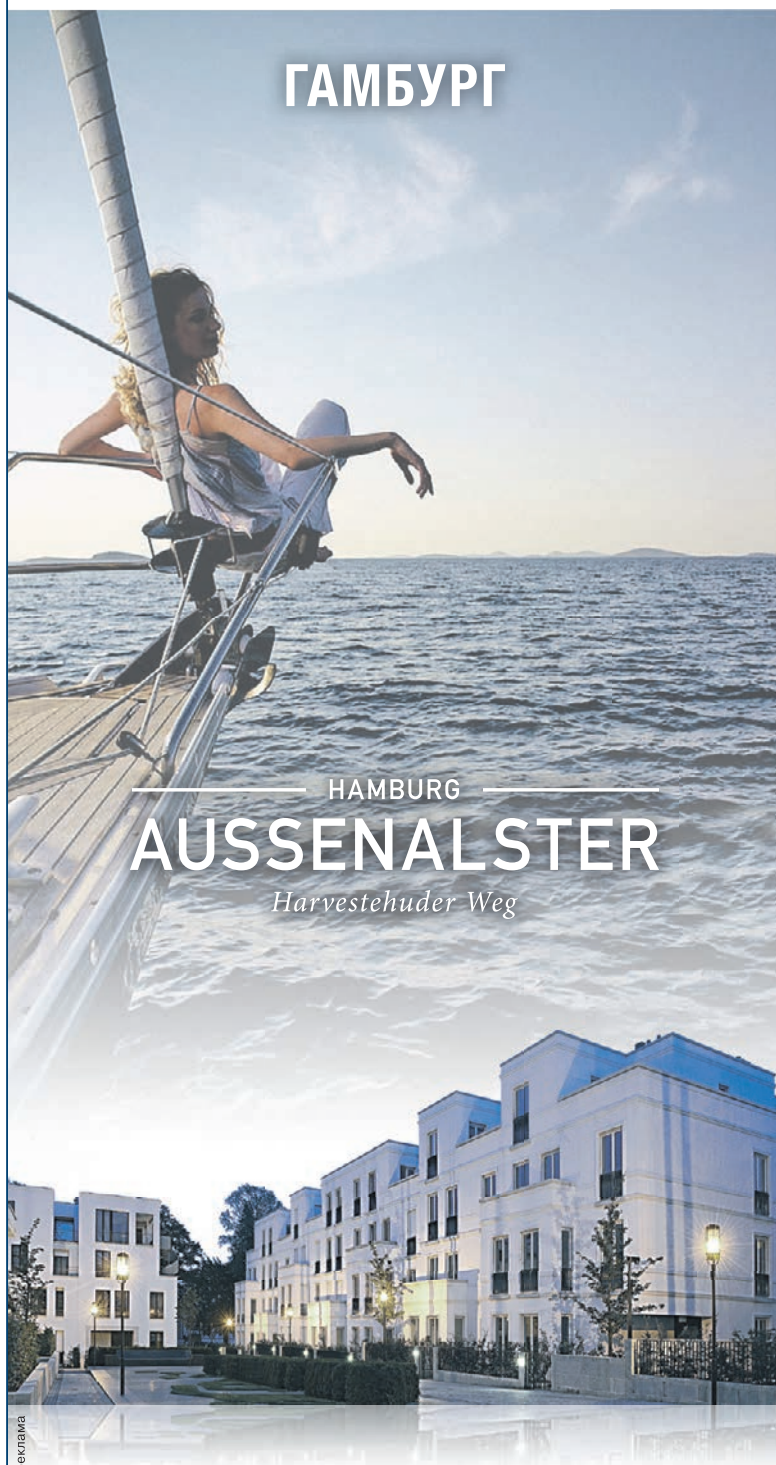
Интересно, что все три кандидата в преемники Меркель и в председатели партии представляют лагерь католиков. Это может быть чистой случайностью, но может быть истолковано и как указание на то, какая конфессиональная линия еще предстает некогда народной партии. Она никогда не воспринималась как консервативная, а тем более правая си-

время и с зелеными. Экологическое сознание и вера в творимость мироздания не противостоят друг другу. То, что списывали на социал-демократизацию ХДС/ХСС, возможно, было просто возвращением к старому конфессиональному ядру, которое не могло примириться с неолиберальным мышлением и которому Ангела Меркель в свое время резко дала отставку.

Принимая во внимание столь глубинные сдвиги, неудивительно, как позиционируют себя все три кандидата на пост председателя. Фридрих Мерц — человек из другого времени, олицетворяющий собой эмоциональное изменение, которое после прихода Меркель к власти оказалось почти затертым. Шпан, напротив, представляет круги, которые только-только покинули ХДС, и самое удивительное, что он с равным успехом может осуществлять такое представительство в обоих направлениях. Вероятно, это подтверждает правоту французского философа Гийома Паоли, провозгласившего «Зеленых» и АдГ наследниками консервативных кругов. Правда, есть и одна очень большая разница: партии поменялись ролями. У «Зеленых» получает распространение новое ощущение родины, которое премьер-министр Баден-Вюртемберга Винфрид Кречманн открыто и торжественно называет консервативным, в то время как АдГ склоняется к политическому ощущению, характерному для «Зеленых» в их начальный, левый период и годы маоистских, так называемых «малых» групп.

Остается католичка из земли Саксония-Анхальт Крамп-Карренбауэр, над которой незаслуженно посмеиваются как над маленькой фрау Меркель. Она действительно представляет то ядро ХДС, будущий профиль которого, возможно, опять ждет реконфессинализация. Маловероятно, чтобы в конце этого процесса трансформации вновь расправила плечи народная партия старого образца. Однако для партии, которая чувствует свою особую миссию как преемницы христианского наследия, место в центре немецкой партийной системы непременно найдется.

ПРОЖИВАНИЕ В САМЫХ ЭКСКЛЮЗИВНЫХ МЕСТАХ, В САМЫХ ПОПУЛЯРНЫХ МЕТРОПОЛИЯХ ГЕРМАНИИ

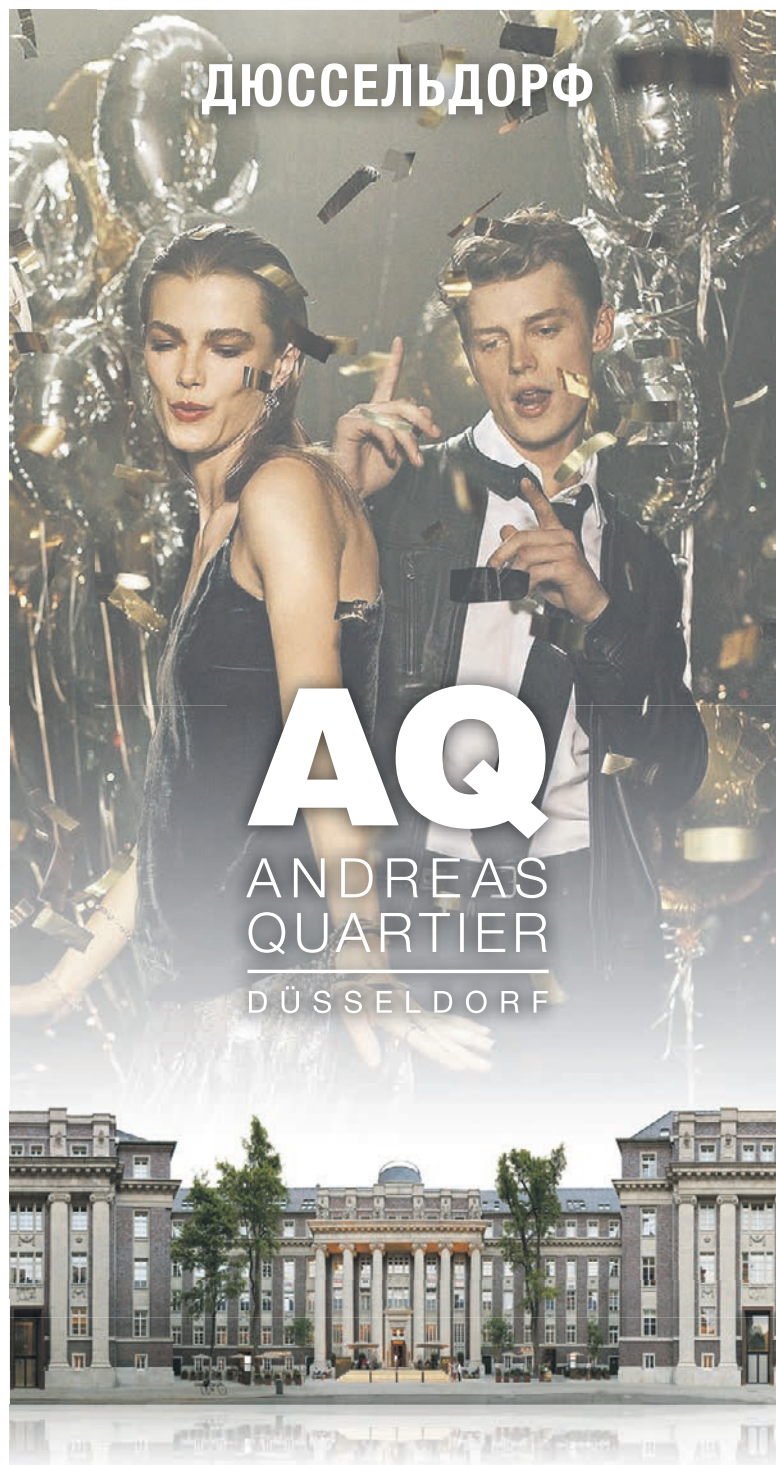

ГАМБУРГ

HAMBURG

AUSSENALSTER

Harvesthuder Weg

ДЮССЕЛЬДОРФ

AQ

ANDREAS QUARTIER
DÜSSELDORF

БЕРЛИН

BERLIN

SCHINKELPLATZ

СУЩНОСТЬ ЛЮБОГО БОЛЬШОГО ГОРОДА КРОЕТСЯ В ЕГО СЕРДЦЕ. В местах, которые определяют всю природу и характер города, а также стиль жизни: Экстравагантная атмосфера по соседству с Внешним Альстером в Гамбурге. Урбанистическая разнообразность в центре Дюссельдорфа. Район с богатым историческим прошлым напротив Берлинского Городского дворца. В таких уникальных местах компания Frankonia сооружает городское жилье высочайшего качества. В четком и деликатном согласовании с характером окружения и в полном соответствии с местоположением — здесь возникает современное качество жизни в памятниках архитектуры завтрашнего дня.

FRANKONIA

FRANKONIA Eurobau AG | Mühlenstraße 34 | 40213 Düsseldorf
Тел.: (+49 211) 863-23-00 | www.frankonia-eurobau.de

ПЕРСОНА

Ученые и санкции несовместимы

Железный занавес санкций способны преодолевать отдельные гуманитарные инициативы, в том числе в области науки. Немецкое Объединение имени Гельмгольца тратит сотни тысяч евро на поддержку российской науки и считает свои действия куда более рациональными, чем заявления политиков.

Ольга Филина

Помощь выделялась на конкурсной основе в рамках сотрудничества Объединения имени Гельмгольца с Российским научным фондом (РНФ) и стала прекрасным примером научной дипломатии — способом восстановить международное партнерство невзирая на политические интриги и санкции. За время действия программы дополнительное финансирование в размере до €130 тыс. в год получили (и еще получат) 18 прорывных исследовательских проектов, реализуемых российско-немецкими группами ученых в шести сферах: биомедицина, информатика, климатические изменения, энергетика, наука о материалах, структура и динамика вещества. РНФ со своей стороны выделил на развитие каждого проекта до 6 млн руб.

Чтобы дать представление о многообразии тем взаимной работы, можно представить лишь некоторые из проектов-победителей (последние шесть лауреатов будут объявлены после 30 ноября). Например, Томский государственный университет и Германский электронный синхротрон заняты созданием новой высокоэнергетической рентгеновской камеры, которая позволит исследовать биологические образцы без повреждения чувствительных проб. А НИИ нейрохирургии имени Бурденко совместно с Германским онкологическим исследовательским центром ищут эффективные способы борьбы с медуллобластомами — наиболее распространенными злокачественными опухолями головного мозга у детей. Институт океанологии имени Ширшова РАН с Исследовательским центром Юлих планируют улучшить точность климатических моделей по всей Европе. В совместных исследованиях участвуют Уральское отделение РАН, Иркутский госуниверситет и другие наши научные организации.

В начале этого года объединение проводило совместную конференцию с Российским квантовым центром, поставив вопрос о перспективах создания подлинной технологи

Спасение не в отдельных ограничительных мерах, а в новаторских технологиях, которые откроют нам новый энергетический мир и которые нужно разрабатывать сообща

гии будущего — российско-немецкого квантового компьютера. Помощник президента России Андрей Фурсенко отметил, что научное сообщество Германии очевидно поддерживает общую с Россией ставку на «квантовую лошадь» и «технологии послезавтра», однако в европейских властных кругах есть «структу

Профессор Райнхард Хюттель. Идет погрузка оборудования для российских коллег

ры, которые сомневаются в целесообразности привлечения российских научных организаций к подобным проектам» и распространяют логику санкций на сферу научного сотрудничества. Противостоять этой опасной тенденции — опять-таки задача научной дипломатии.

Обозреватель «Д» встретила на закрытом заседании клуба «Инновации в электроэнергетике» с профессором Райнхардом Хюттлем, членом правления и директором по науке одного из научных центров Объединения имени Гельмгольца — Германского геофизического центра в Потсдаме.

— Профессор Хюттль, вы сегодня обсуждали будущее электроэнергетики. Почему, на ваш взгляд, эта тема требует международного внимания?

— Я геофизик и всерьез интересуюсь тем влиянием, которое оказывают на нас и на нашу планету выбросы газов — неизбежные спутники распространения способов производства и потребления электроэнергии. Реальность такова, что проблеме с выбросами не решить сила

ми одной или нескольких стран — здесь нужна была действительно международная кооперация. И сегодня мы видим, что по многим причинам она не удалась: страны, на долю которых приходится колоссальный объем выбросов, игнорируют какие бы то ни было внешние рекомендации и договоренности. Нестабиль-

ный миропорядок влияет не только на политику, он влияет и на планету Земли. На страновом уровне в деле сокращения выбросов того же углекислого газа мы продвинулись тоже не так далеко, как хотелось бы. Скажем, в Германии, переведа большое количество транспортных средств на дизель, мы сократили выбросы CO₂ на 20%, но прошло всего несколько лет — и объем выбросов достиг прежних показателей. Спросите почему? Просто люди стали покупать Большие машины, ездить на более длинные дистанции и так далее, обнулив весь успех, обеспеченный дизелем. То есть даже в Германии мы с трудом можем влиять на своих граждан, призывая их к более экологичному поведению. Все это говорит о том, что спасение не в отдельных ограничительных мерах, а в новаторских технологиях, которые откроют нам новый энергетический мир и которые опять-таки нужно разрабатывать сообща.

— Какими могут быть эти технологии?

— Легче говорить об уже существующих исследовательских проектах. Один из них в случае успешного завершения способен произвести настоящую революцию, какую ранее произвел интернет, а еще ранее — книгопечатание. Я имею в виду разработку в области искусственного солнца. До сих пор самым эффективным способом производства энергии было использование мирного атома, но есть и другой путь, связанный с изучением свойств плазмы. «Прирученная» плазма способна удовлетворить все наши энергетические потребности и была бы сравнительно безопасна, но на нашем пути пока стоит серьезная проблема: у нас нет материала, нет механизма, который бы удерживал плазму и позволял с ней работать, учитывая ее невероятную температуру — свыше 100 млн градусов по Цельсию. Очевидно, решение этой проблемы связано с теорией магнетизма, созда-

нием сверхсильного магнитного поля вокруг плазмы. На сегодняшний день в Германии несколько крупнейших исследовательских центров занимаются плазмой физикой в надежде решить эту задачу. Об успешных результатах говорить преждевременно, но мы на них надеемся.

— Кажется, в России проблема изменения климата и растущих выбросов CO₂ ушла из топа новостей, превратившись в фоновую и не стимулируя исследовательские поиски. В Европе эти сюжеты воспринимаются острее?

— То, что изменение климата происходит, мы, в конце концов, просто видим — например, последнее долгое теплое лето в Москве — яркий образец влияния глобальных процессов на конкретную страну. Но помимо такого внешне приятного влияния возможно и негативное: наводнения, засухи, смерчи... Избежать всего этого уже вряд ли получится, как я отмечал ранее. Поэтому в Германии дискурс о глобальном потеплении несколько сместился: теперь чаще говорят не о борьбе, а об адаптации. Скажем, мы инвестируем много денег в то, чтобы создать высокие дамбы, защищающие нас от повышения уровня мирового океана, ищем новые решения в сельском хозяйстве, чтобы суметь прокормить себя в условиях экстремально высоких температур. Собственно, еще одним многообещающим исследовательским направлением сегодня является молекулярная биология и генетика, то есть те отрасли знания, которые способны создать флору и фауну земли будущего. Подытоживая, замечу, что изменение климата больше не вопрос теории, это вопрос практики: кто хочет, тот им занимается и старается обезопасить себя.

— Вам принадлежит мысль, что руководить научным институтом сегодня должен человек, который имеет опыт взаимодействия с производством — структурами, осуществляющими прикладные раз-

работки. Фактически этот тезис указывает на возможность сближения фундаментальных и прикладных исследований, верно?

— На мой взгляд, вопросы, которые рождают современное производство, имеют глубоко фундаментальный характер. На них нет простых ответов. Скажем, производство мечтает создать электромобиль будущего, который мог бы двигаться быстрее и дольше, используя меньшие по объему батареи. И это желание наталкивается на какой-то фунда-

ментальный провал в наших знаниях: мы не понимаем, как создать такие батареи. В Германии в последнее время было открыто два института, посвященных решению исключительно этой «прикладной» на первый взгляд задачи. Но они будут заниматься фундаментальными разработками, потому что на поверхности решений нет. Еще одна важная вещь, которую нужно понимать в современной науке, — это ее междисциплинарность. Объединение имени Гельмгольца, основанное на взаимодействии 18 научных центров с общей численностью 36 тыс. сотрудников, знает это очень хорошо. Но даже более того, очевидно, что естественные науки сегодня нуждаются в достижениях гуманитарных. Мы можем придумать какие угодно прорывные технологии, но примет их общество или нет — целиком зависит от социокультурных факторов, которые требуются отдельно изучать. Скажем, разработки в области генетики зависят от этики не меньше, чем от тех-

нических факторов, которые требуются отдельно изучать. Скажем, разработки в области генетики зависят от этики не меньше, чем от тех-

нологии. Другой пример влияния социокультурных факторов на науку и производство — это отказ от атомной энергетики в Германии после Фукусимы. С практической точки зрения такое решение ничем не мотивировано — скажем, АЭС в соседней Франции по-прежнему работают и в случае аварии будут угрожать нам не меньше, чем собственные, при этом немецкие АЭС считались самыми безопасными в Европе и за все время функционирования не имели ни малейших сбоя. Однако это событие имеет глубокие причины в общественной психике и потому стало фактом нашей жизни, в том числе научной жизни, поскольку исследования мирного атома в Германии теперь сталкиваются с серьезными трудностями. Вывод один: очень важно учитывать влияние нерациональных факторов на развитие современной науки.

— Можно ли отнести к таким нерациональным факторам и политические санкции, омрачающие научное сотрудничество России и Германии?

— Что касается меня, то я действительно считаю санкции нерациональными, неподходящим и потому неработающим инструментом международной политики. Европа и, шире, Запад использовали этот инструмент несколько раз, при этом я не могу вспомнить случая, когда бы он действительно помог, говорим ли мы о Китае, Иране или даже Северной Корее. Санкции ударяют по обычным людям, часто по необеспе-

Я действительно считаю санкции нерациональным, неподходящим и поэтому неработающим инструментом мировой политики

ченным слоям населения, которые не могут так просто справиться с навалившимися проблемами. Западные лидеры надеются, что так они способствуют смене политического режима: мол, люди под гнетом обстоятельств совершат революцию или выберут новую власть. Но новая часто оказывается хуже старой, да и вообще все не так просто в человеческих отношениях — это химическая реакция с непредсказуемым исходом. Я очень сожалею, что санкции существуют, и хотел бы, чтобы их не было. Поэтому работа Объединения имени Гельмгольца по налаживанию научных связей между Россией и Германией чрезвычайно мне дорога. Хочется верить, что она ценна и для наших политиков: в конце концов те деньги, которые мы тратим на поддержку российской науки, — это деньги, предоставленные немецким правительством. Это очень хорошо, и я могу о таких вещах открыто говорить. Думаю, мы все ищем возможности для диалога «поверх барьеров».

ОПЫТ

Сказки лечат

В ноябре в Москве прошел Международный научно-практический конгресс «Дети в душевной беде. Травмапедагогика». Собрались более 600 участников из Германии, с Украины, из Грузии, Республики Молдова, Армении, Киргизии, более 30 регионов России — от Москвы до Владивостока. Для «Д» о форуме Фемида Селимова.

Три года назад в Москве на улице я встретила ребенка. Но скорее он напоминал собой призрак: абсолютно белая и бледная кожа, мертвые глаза. И было такое ощущение, будто этот маленький человечек находился где-то вне своего тела. Эта встреча настолько потрясла меня, что я стала думать над тем, как помочь травмированным детям. И тогда у меня зародилась идея организовать конгресс по травмапедагогике, — призналась одна из координаторов конгресса и член Форума «Петербургский диалог» Анна Хоффинг, открывая конгресс.

Травмапедагогика — это метод работы с травмированными детьми и подростками. Ее теоретические основы были заложены в Германии еще в 80-е годы прошлого века известным социальным педагогом Вильмой Вайс. В России это направление пока малоизвестно.

В своем обращении посол ФРГ Рюдигер фон Фрич-Зеенхаузен назвал XX столетие веком катастроф, последствия которых целые народы и поколения на себе до сих пор ощущают. И именно поэтому так важна консолидация научного сообщества. «Международная политика складывается из деятельности огромного количества людей, которые встречаются, обмениваются своим опытом и проводят совместную работу. Я очень рад, что одним из созданных в ходе такой деятельности инструментов является форум „Петербургский диалог“. На этой общей площадке гражданских обществ Германии и России самые различные практические группы делают очень многое для поддержания диалога между нашими странами», — отметил Рюдигер фон Фрич-Зеенхаузен.

Выступившая от имени украинской делегации Тамара Блекот отметила, что социальная тематика является полем для продуктивного диалога специалистов для облегчения

жизни травмированных детей. В своей речи представитель грузинской делегации Марина Шостак обратила внимание на то, что проблема психологической травмы в современном мире приобретает все больший размах и характер социальной проблемы.

В своем докладе «Травма и развитие — вызовы в работе с комплексно травмирован-

Проблема психологической травмы в современном мире приобретает все больший размах и характер социальной проблемы

ными детьми и подростками» профессор из Высшей школы психоаналитики Берлина Аннетте Штрекк-Фишер изложила причины травм и описала их последствия.

«Сегодня в нашей стране около 70 тыс. детей содержатся в детских домах, домах ребенка, в разных учреждениях для детей-сирот. Безусловно, все они пережили ту или иную травму. Эти дети могли стать жертвами жесткого насилия и пренебрежения в своей кровной семье или могли получить такую травму в учреждении», — рассказала президент БФ «Волонтеры в помощь детям-сиротам», член Общественной палаты России Елена Альшанская. Она отметила, в России пока не хватает комплексного понимания того, как работать с ребенком, перенесшим ту или иную душевную травму.

Последующие два дня работа форума проходила на базе дефектологического факультета Института детства МПГУ. В ходе докладов признанных экспертов Германии фено-

мен детской душевной травмы рассматривался буквально со всех сторон. Посттравматических состояний у детей и подростков, а также методами их устранения.

Каждый пленарный доклад предврался практическими упражнениями из разных направлений терапии: пением и музыкой, лепкой шариков из специального воска, ритмическими движениями. На площадке конгресса работали 38 мастер-классов, проводимых немецкими и российскими специалистами, где участники смогли познакомиться с разнообразием практических методов работы с детской травмой, прежде всего средствами искусства: музыки, лепки, живописи, рисования, театра, рассказывания историй и сказок.

На заключительной дискуссии участники говорили о том, что остается сделать следующий шаг — включить в подготовку педагогических кадров теоретические и практические знания по травмапедагогике.

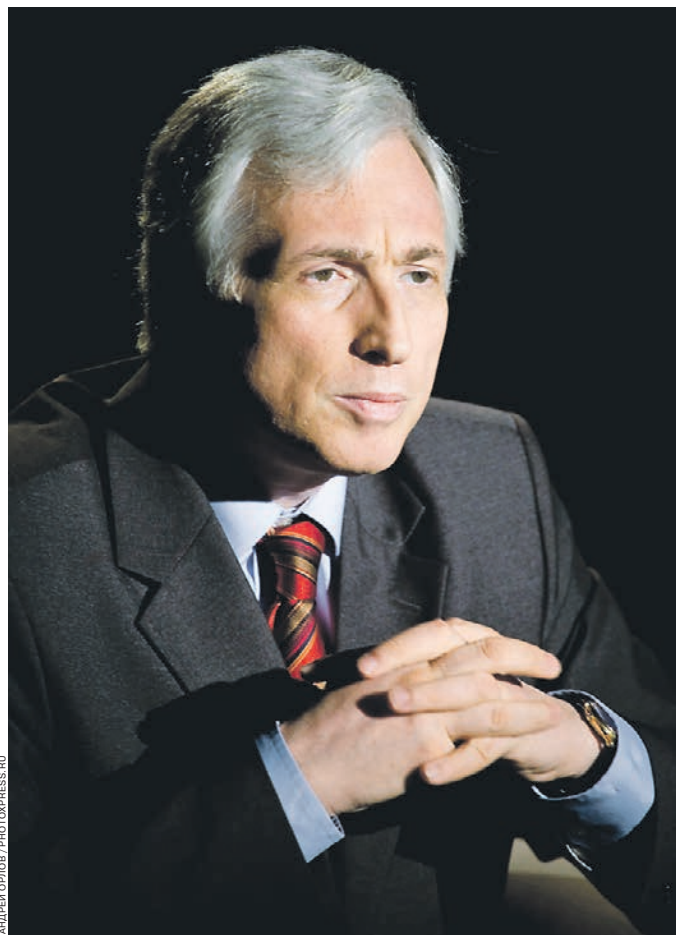

ВСТРЕЧА

Прошлое взрывоопасно

Политики пытаются использовать историю в своих целях, но совместные комиссии ученых возвращают нам реальное прошлое. Об этом академик Александр Чубарьян рассказывает в интервью Леониду Млечину.

Академик Александр Чубарьян — научный руководитель Института всеобщей истории Российской академии наук, не только автор трудов по внешней политике, но и прирожденный дипломат. Но, в отличие от сотрудников Министерства иностранных дел, он улаживает не текущие дела. Он занят минувшим. Однако же дела давно прошедших лет бывают болезненны. История продолжает определять нынешнюю политику. И, в отличие от юриспруденции, в истории не существует срока давности, избавляющего от ответственности. Есть установленные наукой истины, не подлежащие пересмотру. Но, скажем, обстоятельства, связанные с возникновением Второй мировой, ход войны, судьба Восточной Европы после разгрома нацистской Германии — все это темы, продолжающие требовать кропотливого изучения. Не обязательно во всем соглашаться с историками из стран-соседей. Но и нет никакой нужды в том, чтобы превращать историческое пространство в поле боя! Напротив, это скорее поле сотрудничества ученых. Ради этого создаются совместные комиссии историков.

Леонид Млечин

АЛЕКСАНДР ЧУБАРЬЯН: Импульс был дан нашим сотрудничеством с немецкими историками. Наша совместная работа вообще стала эталоном, на который ориентируются другие комиссии историков. Мы выпустили вместе с немецкими историками работу о XX веке. И я скажу вам, что для меня было большим открытием: у нас не было больших разногласий по истории XX века с немцами. Главное расхождение возникло не по немецким делам, а по польским. У нас разные точки зрения относительно прак-

тически совместный. Это сильно затруднило нашу работу. Но в результате был написан совместный текст. Техника такая. Часть глав пишут польские коллеги, а наши — соавторы. А часть пишут наши и посылают в Польшу. Были довольно длительные обсуждения. Иногда польские коллеги не хотели соглашаться с нашими замечаниями. Но в итоге разногласия были преодолены. Конечно, политика довлеет над историками тоже. И это сказывается на интерпретации исторических событий.

ры из Института славяноведения и из других институтов, полонисты и русисты, предпочли объективистский подход: как все было. И какие круги в России, что тогда говорили.

Л. М.: Давний страх поляков перед Россией — это страх генетический, рожденный тремя разделами Польши, послевоенным насаждением коммунистического режима, страх перед тем, что придут русские войска?

А. Ч.: Польская сторона приложила в качестве иллюстрации тексты, которые в то время писались, — достаточно уничижительные в отношении России и русских. Ну, я человек терпимый, мы не настаивали ни на чем. Но должен вам сказать, что польские коллеги проявили полную готовность к открытому обсуждению и убрали все экстремистское. А что-то мы убрали из своих текстов. И в результате получилось, что все главы написаны совместно. В том числе главы по польскому восстанию. Мы привели параллельно два стихотворения. Одно Адама Мицкевича, довольно критическое в отношении русских — «москалей»: оно вызывало большие возражения у некоторых моих коллег. Второе — Пушкина, который тоже насчет «ляхов» высказывался довольно категорически. И вот в таком духе мы строили работу.

Л. М.: После раздела Речи Посполитой к Российской империи отошла значительная часть ее территории и населения. Поляки не смирились с разделом. Одно восстание следовало за другим. В XIX веке в российском обществе поляков воспринимали как «бунтарский народ» и упрекали за «неблагодарность». Как вы это оценивали?

А. Ч.: Наша общественность раскололась. Часть одобряла поляков. Это были те круги в российской интеллигенции, которые критиковали царизм. Поэтому всякое выступление против царизма они приветствовали. А многие известные люди — Пушкин в их числе! — критиковали поляков за неблагодарность! Мы дали и ту точку зрения, и эту. В советский период это восстание приветствовалось, потому что официальная линия большевиков — критика царизма. Поэтому любые выступления против царизма — прогрессивное дело. Наши авто-

ры у нас есть такой же проект с Австрией, и делаем такой же с Францией. На очереди Израиль. Но я вам должен сказать, что, конечно, наиболее чувствительное — это Польша. В отношении между нашими странами накопилось слишком много негатива.

Старые и новые обиды

Л. М.: В Европе нет другой страны, в которой история так бы присутствовала в дне сегодняшнем, как в Польше. Российско-польские отношения не могут выбраться из замкнутого круга. Предстоит смириться с тем, что другие народы на знакомые нам события смотрят иначе — через призму собственной истории. На Кавказе не перестанут восхищаться Шамилем. А татары не будут же восхищаться Иваном Грозным, который когда-то взял Казань?

А. Ч.: Конечно, все равно сохраняются разные точки зрения. Вот пример, который довольно много отнял у меня сил и нервов, — оценка татаро-монгольского ига. Много раз я ездил в Казань, встречался с коллегами. В итоге мы ушли от этнической составляющей и нашли общую формулу — «Взаимоотношения русских князей с Золотой Ордой». Эта формула включает в себя и то, которое было, конечно, и дань, которую князья платили.

Л. М.: Люди живут навязанными им представлениями. Процесс восстановления реальной истории идет трудно, потому что слишком неприглядная рисуется картина. Открывшаяся реальность пугает. Для кого-то каждое такое открытие — шок. Но, говорят, время лечит?

А. Ч.: Мне когда-то французский посол сказал, что Франции понадобилось 100 лет, пока она смогла в одном учебнике дать объективную оценку Робеспьеру, и казненному револю-

ционеру королю. Казалось бы, и у нас 100 лет прошло после революции, уже можем успокоиться. Но все равно, видите, какие страсти кипят! Один говорит, что это безобразие — ставить памятник адмиралу Колчаку, которого большевики расстреляли. Другой говорит: давно пора!.. История и сегодня, с моей точки зрения, участвует в общественной жизни и влияет на настроения нашего народа.

Л. М.: Герой одного великого романа говорит: «История — это кошмар, от которого я пытаюсь проснуться». Прошлое мертвой хваткой держит людей и пугает...

А. Ч.: Я считаю крайне важной роль школьного учителя. Он должен детей приучить к тому, что есть разные точки зрения. И пусть дети — взрослые уже дети, 10–11-й класс! — сами думают, оценивают, выбирают, что, с их точки зрения, правильно. Я противник одного-единственного учебника, который навязывал бы оценки, как это было со сталинским «Кратким курсом истории ВКП(б)». Но 200 учебников по истории для школы — это

профанация. Учитель, говорят, может выбрать... Но разве он может купить столько учебников и их прочитать? Пришли к такой идее: должно быть два-три учебника. И в каждом минимум знаний, которые любой ученик обязан знать.

Л. М.: Рассекреченные документы, научные изыскания, новый уровень понимания прошедшего постоянно сменяют наши представления о событиях и исторических фигурах. Но почему история все равно полна мифов?

стиком самое главное. Но эти записки приоткрыли завесу над тем, как это происходило.

Л. М.: Осмысление и переосмысление истории бесконечно?

А. Ч.: Еще недавно над Брежневым смеялись. А теперь у нас в обществе существует апология брежневского периода, совершенно очевидная. Почему? Все познается в сравнении, сноскальгней вспоминают стабильность того времени. История — лакумозная бумажка, свидетельствующая о настроениях людей. Когда люди довольны жизнью, то их взгляд в прошлое спокойнее.

Л. М.: Непредвзятое обращение к историческому материалу свидетельствует о желании разделить ответственность за будущее нации. Политики же, сознательно искажая прошлое, полагают, что, овладев прошлым, они сформируют и «правильное» будущее. Есть мастера, которые фактически ведут борьбу с историей, придумывают свою.

А. Ч.: Я бы сказал, что это издержки бума вокруг истории. У нас на исторические книги большой спрос. В любом киоске вагоны книг про Сталина или еще что-нибудь далекое от реальных фактов. Кроме того, прорусский интерес вообще к историческим личностям. Многие интересуются жизнью российских императоров и российских аристократии. Это как реакция на запрет, который был раньше. И тут, конечно, много разного придуманного. Но что делать... Я не против беллетристики. Но не когда беллетристика выдается за фундаментальное научное исследование... Еще надо иметь в виду, что Россия сегодня очень разноплановая в идеологическом отношении страна. Скажем, на Западе между политическими партиями практически нет разногласий в оценке истории. Но не у нас! В принципе идеально, когда история вообще вне идеологии. Но это бывает только в теории. У политических деятелей всегда возникает соблазн использовать историю в текущей политике. Но минимизировать влияние идеологии и политики все-таки можно...

Предстоит смириться с тем, что другие народы на знакомые нам события смотрят иначе — через призму собственной истории

та Молотова—Риббентропа. Но я всегда помню: есть страны, отношения с которыми не слишком хороши почти исключительно по причинам исторического свойства. Единственный способ преодолеть вражду — честно относиться к прошлому. Беда в том, что оно часто крайне несимпатично. Оттого и вспоминаю не хочется!

ЛЕОНИД МЛЕЧИН: И мы передаем трагическое наследие новым поколениям?

А. Ч.: Один из путей преодоления стереотипов в истории, с моей точки зрения, — это говорить как можно больше правды. Когда в первый раз возник вопрос о Катыни, тогдашний руководитель страны высказало мысль, что это ухудшит отношения — обнародование нашей ответственности. И меня даже попросили съездить в Польшу, поговорить с известными людьми. Они все говорили, что, напротив, это пойдет на пользу нашим отношениям. И, действительно, так и произошло. Катынь, может быть, самая болезненная проблема, доставшаяся России в наследство от советской системы. Немалое число наших сограждан все еще полагают, что расстрел польских военнопленных — дело рук фашистов и на этой точке зрения надо стоять.

Л. М.: Катынь — особый случай. В основном прошлое нуждается не в юридических вердиктах, а в оценках историков. Поэтому и создали комиссию российских и польских ученых?

А. Ч.: Особенность проекта в том, что это не просто научное дело — мы приехали к нему и учителя. Мы встречались с польскими учителями, которые приезжали в Москву. Наши учителя ездили в Польшу. И родилась идея подготовить совместное учебное пособие для школы. Не скрою, что стимул, импульс был дан нашим сотрудничеством с Германией.

Пушкин и Мицкевич как аргументы в споре

Л. М.: Принято считать, что поляки не приемлют критики, но охотно критикуют других. И немисливо сказать поляку, что он не прав. Это проистекает, как многие считают, из особенностей польского менталитета: амбициозности, претензии на непогрешимость...

А. Ч.: С немецкими историками поучилось так: из 20 глав 14 написаны сообща, остальные 6 писали отдельно — или русский автор, или немецкий. Мы с немцами не сошлись относительно перестройки — их текст отдельно, наш текст отдельно. А польские коллеги сразу сказали: текст

Катынское примирение невозможно было бы без общей работы историков России и Польши. На фото: премьеры Владимир Путин и Дональд Туск весной 2010 года возлагают венки к мемориалу Катыни

ЭКСПЕРИМЕНТ

Смотрите, кто приплыл

Как получилось, что молодой берлинец издает в Оксфорде научный журнал и публикует в нем труды беженцев? Об этом рассказывает сам издатель **Пауль Оствальд**.

Его начинание было отмечено премией имени Петра Бениша, присуждаемой форумом «Петербургский диалог».

Осень 2015 года. Телешоу Сандры Майшбергер подходит к концу, когда она дает слово какому-то мужчине из публики. На немецком языке, с едва заметным акцентом тот рассказывает об учебе в сирийском вузе, путешествии через Средиземное море и новой работе по уходу за престарелыми в небольшом городке Нижней Саксонии. Студия взрывается аплодисментами, но перед этим люди у телеэкранов видят подпись, представляющую примерного молодого сирийца: «Хаким, беженец».

Весьма красноречивый момент в дискуссии, посвященной опасной тенденции — видеть в людях, которые летом 2015 года искали в Европе убежище, только беженцев и ничего больше. История с Хакимом показывает, что такой статус очень быстро становится ярлыком. «Довесок» к имени сигнализирует: это человек, достойный сочувствия, он приехал к нам из далекой, неведомой культуры. И часто к различным оттеночным вариациям сводится все освещение данной темы.

В то же время это был своего рода момент избавления: впервые возможность непосредственно поучаствовать в дискуссии о беженцах представилась ее «объекту». В Германии по сей день чуть ли не ежедневно появляются репортажи, комментарии, интервью с политиками, посвященные новому вызову, «задаче века» (по двухлетней давности выражению Ангелы Меркель). Тем же, кто бежал в Европу, слово предоставляется очень редко — зачастую из-за отсутствия понимания, что большинство беженцев несут с собой нечто более

На Форуме «Петербургского диалога» премию имени Петра Бениша Пауль Оствальд получил из рук мэтра российской журналистики Виталия Игнатенко

дском университете. Чтобы в имеющихся условиях сделать возможным новый дискурс, я вместе с Марком Баркли, моим соседом по комнате, основал Journal of Interrupted Studies

с высшим образованием. Но главное, мы надеялись, что благодаря публикации нашим авторам представится возможность возобновить академическую карьеру или их путь к этому будет не таким тернистым.

Материалы стали поступать быстро и в большом количестве, многие были посвящены теме беженцев. Так, одна женщина-юрист из Бангладеш задалась вопросом, нельзя ли включить в международное правовое поле тех, кто вынужденно оставил родные края из-за природных бедствий. Один сирийский студент в годы гражданской войны заинтересовался, нельзя ли компенсировать нехватку учителей в школах роботами. Лингвист Хусам Алдеен аль-Барази из Дамаска изучал роль интонации в освоении языков — он бежал из Сирии в Германию и поселился в живописном городке Дюппенвайлер в земле Саар.

Такое доверие авторов накладывает большую ответственность. Мы при-

У себя на родине они были профессорами, исследователями или студентами, и нельзя смотреть на них только через призму сочувствия

ценное, чем узелки с одеждой. Кто-то везет солидный багаж знаний. У себя на родине они были профессорами, исследователями или студентами, и смотреть на них только через призму сочувствия значит пренебрегать интеллектуальным багажом и ограничивать рамки диалога с ними.

Осенью 2015 года этот парадокс в отношениях с беженцами увлек меня и моих однокурсников в Оксфор-

«Журнал прервавшихся исследований»). Задумывался он как академическое издание, которое позволит ученым, вынужденно покинувшим родину, опубликовать завершающие и незавершенные статьи любой научной направленности.

Нам с Баркли только-только исполнилось 19, и, конечно, оба мы никак не могли проверять труды профессоров и ученых на предмет акаде-

ДИСКУССИЯ

Ни слова

Помочь в диалоге между журналистами России и Украины, без которого не начнется и общественное примирение, возможно, должны третьи страны. В этом главный редактор «Д» с российской стороны **Виктор Лошак** убедился, вернувшись из Киева.

Должен извиниться перед редактором международного отдела Tageszeitung, популярной берлинской газеты, Барбарой Ортель: я действительно виноват в том, что тонко выстроенный ею сценарий дискуссии на тему «Репортаж в час испытаний» в украинском отделении немецкого Фонда Эберта оказался невостребованным. Разговор пошел в совершенно не запланированном модератором направлении. Не интересовали важные аспекты журнализма, которые мы должны были обсудить с главным редактором радио «Новое время», а в прошлом руководителем газеты «Коммерсант-Украина» Валерием Калнышем, заместителем директора Института мировой политики Натальей Ищенко и депутатом, а в прошлом тоже журналистом Мустафой Найемом. Последний — важная фигура новой украинской политики. Его историческая известность предопределена вот этим постом в Facebook: «Встречаемся в 22.30 под монументом Независимости. Одевайтесь тепло, берите зонтики, чай, кофе, хорошее настроение и друзей. Перепост всячески приветствуется». Считается, что именно с этого призыва в ночь с 21 на 22 ноября 2013 года начался последний Майдан, так радикально изменивший жизнь Украины.

Я не предполагал, что дискуссия в большом, но переполненном зале Центра Пинчука уйдет на четыре часа в сторону лишь из-за одного моего риторического вопроса: могут ли и должны журналисты, российские и украинские, начать диалог друг с другом не из-за пропагандистских брстверов, а напрямую? Должны ли мы быть пристегнутыми к войне идеологий или у нас есть более важная задача —

дать услышать и понять друг друга людям, желающим вернуться к нормальным отношениям между странами?

Не хотел бы претендовать на новизну темы. Здесь, в киевском представительстве Фонда Эберта, отношения России и Украины, видимо, рассматривали много и с самых разных сторон. Перед началом разговора нам подарили только-только выпущенный фондом сборник мнений и аналитики, не меньше половины которого посвящено российско-украинским отношениям. Здесь все в амплитуде от феерических выдумок о том, как Россия закачала в экономику Германии €1,3 трлн и теперь ею руководит, а наши хакеры взяли под контроль немецкие госучреждения, до взвешенных, хотя зачастую и критичных к российской политике мнений и интервью. Тот же великий прогнозист Фрэнсис Фукуяма, побывав в Киеве, не дал России шанса даже в союгательном наклонении. «Многие восточноевропейские страны, — рассуждал Фукуяма о близкой Киеву теме расширения НАТО, — стремятся в альянс, сказали бы, что Россия со своей

Всю жизнь я был уверен, что журналисты везде и всюду могут найти общий язык. И вот убедился, что это не так или не совсем так

долгой историей империализма все же подошла бы к точке, когда она хотела бы доминировать над соседями. ... Я склонен думать, что эти страны имеют право войти в альянс».

Если исключить специальную по мировой политике, которая сходу заявила, будто Украина всю советскую историю была ко-

Участники дискуссии в киевском отделении Фонда Эберта: Наталья Ищенко — заместитель директора Института мировой политики (Киев), Валерий Калныш — главный редактор радио «Новое время», Барбара Ортель — редактор международного отдела Tageszeitung, Виктор Лошак — главный редактор «Д» с российской стороны, Мустафа Найем — депутат Верховной рады

лонией России, а за украинский язык расстреливали, все остальные мнения, какими бы иногда крайними они могли показаться приехавшему из Москвы, могли иметь право на жизнь. Мнения всех выступавших

вы можете для нас сделать, — это уйти из нашей жизни» (как будто кто-то сильный и добрый может перенести Украину куда-нибудь в Швейцарию или на худой конец в Америку). Третья позиция: пока идет война, любой диалог исключен, мы можем говорить только с теми, кто признает все наши оценки того, что произошло в Крыму и на Донбассе.

Трудно было ожидать, что так активны в зале будут молодые украинские журналисты. Один оценил всю дискуссию фразой: «Вы говорите про условную Украину и условную Россию, а не про те, что есть». Как быть с тем, что на Украине существует запрос на мир, что прекращения войны желают 56% опрошенных граждан? Естественно, что боевые воинственные отвечали: мы не хотим мира с унижением и т. д. и т. п.

Всю жизнь я был уверен, что везде и всюду журналисты могут найти общий язык. И вот убедился, что это не так или не сов-

ступили к созданию небольшой редакции и стали искать первых дипломированных специалистов для коллегальной оценки. Подавляющее большинство из тех, с кем мы контак-

Реакция оказалась ожидаемо двоякой... В соцсетях звучали и тирады ненависти: «Единственные знания, что несут эти люди, — это умение насилловать»

тировали, проявили удивительную открытость и стали, в свою очередь, приглашать к сотрудничеству знакомых коллег и включать нас в свои рассылки. Единственное, чего нам не хватало, — это €1,5 тыс. на печать тиража. Но пожертвования стали поступать, и в мае 2016 года бюджет для публикации первого выпуска у нас был.

Реакция оказалась ожидаемо двоякой. Такие СМИ, как британ-

ская Би-би-си, американское NPR и немецкий журнал Der Spiegel, искренне приветствовали наш проект. Но в соцсетях звучали и тирады ненависти. «Единственные знания, что несут эти люди, — это умение насилловать», — писали некоторые. Обе реакции свидетельствуют: проект нашел своих адресатов и не оставил их равнодушными.

Если первый номер еще печатался в режиме самиздата, то уже для следующего выпуска мы заручились финансовой поддержкой Студенческого фонда немецкого народа, издателем согласился стать уважаемый нидерландский дом Brill. Теперь наш бюджет позволил выплачивать авторам пусть весьма скромные, но гонорары.

В 2018 году изменилась не только миграционная политика Германии, но и происхождение наших авторов. Вместо сирийцев и иракцев теперь преобладают выходцы из Турции. Редакция столкнулась с новыми вызовами. Истории авторов сами по себе были очень похожи на те, которыми делились многие сирийцы с высшим образованием. Но помимо гражданской войны теперь в них фигурируют экологические катастрофы и политические преследования, а вместо плавания по волнам Средиземного моря во многих случаях речь идет о переселении в более мирные регионы родной страны.

Поэтому нам приходится не только переводить тексты, но и выработать новые правила: кто должен решать, может ли автор «считаться беженцем» и, следовательно, публиковаться у нас? В итоге мы договорились оставить этот вопрос, как и прежде, на усмотрение самих

авторов — тех, кого изгнали из родных мест и кому пришлось бежать.

Наконец, есть третья задача — институционализация самого журнала. Мы пытаемся создать правовые и редакционные структуры, способные обеспечить выживаемость проекта даже без нас, его основателей. И здесь нами движут события уже не в студии госпожи Майшбергер, а на улицах Хемница.

Убедился, что в определенной ситуации обвиняемым может быть даже не человек, а язык: «Для нас русский язык — это форма проникновения пропаганды Российской Федерации в нашу жизнь». При этом тут же заявляют: да, дома, в семье, мы говорим на русском, но это ничего не значит. Вспомнил, что несколько лет назад ровно такое же утверждение я слышал от Юлии Тимошенко, которая вот-вот может стать президентом Украины.

Важно, чтобы не разочаровала эта дискуссия не только журналистов, но и немецкий фонд. Возможно, продолжение дискуссии можно перенести в третью страну, где никому не придется отбывать во время встречи патристическую повинность: клясться под телекамеры, микрофоны и вспышки фотоаппаратов в верности идеям и людям. Одно ясно: нужно начинать хотя бы болезненный, но разговор.

СОЦИОЛОГИЯ

Поколение без стремления

Стоит ли связывать с молодежью надежды на преобразования в нашей стране? Каковы социальные и политические ожидания молодых россиян?

Что отличает их образ жизни, карьерные планы и взгляд на будущее от предпочтений старших поколений? Ответы на этот вопросы представил в ходе лекции в Москве руководитель отдела прикладных социологических исследований «Левада-центра» **Денис Волков**. Для «Д» материал подготовила **Анастасия Мануйлова**.

Анастасия Мануйлова

Племя молодое, знакомое

В современной социологии к российскому поколению Z в первую очередь относят тех, кто родился с 1995 по 2010 год. То есть это молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет. Если мы посмотрим на структуру населения, то количественно это не очень большая группа — 6–7% населения, от 10 млн до 12 млн человек. Часто можно слышать, что их называют путинским поколением — в том смысле, что они не столько родились, сколько выросли при Путине, и этот политический режим во многом определяет их мировоззрение.

Самоощущение поколения Z в настоящем и будущем

В целом молодые россияне смотрят в будущее гораздо оптимистичнее (около 25%), чем старшее поколение. Во многом это связано с тем, что многих из них до сих пор опекают и поддерживают родители. Я бы, конечно, не стал утверждать, что всех представителей этого поколения водили за ручку — это больше характерно для детей из обеспеченных семей, из среднего класса. Но в результате у них есть некоторые надежды и есть уверенность, что хотя бы в индивидуальном порядке со всякими трудностями они справятся.

Но когда мы говорим уже о будущем страны, то здесь все иначе. Доли тех, кто, глядя в будущее, испытывает беспокойство, и тех, кто смотрит в него с уверенностью, равны. Их, так же, как и всех, волнуют прежде всего уровень жизни и экономическое неравенство. Среди ориентиров для страны большинство называют Германию, где есть сильное социальное государство. Однако тот факт, что на втором месте оказался Китай, свидетельствует о готовности молодежи поддерживать авторитарные методы. Кроме того, это поколение отличается более широким запросом на борьбу с коррупцией, экономическое развитие и создание рабочих мест. Судя по всему, такие настроения поколения Z

Среди молодых россиян число тех, кто смотрит в будущее с оптимизмом, больше, чем среди поколения их родителей

связаны с их опасениями не найти возможность для самореализации. Исследование не подтверждает миф о желании студентов идти в чиновники. Большинство хотят быть фрилансерами и бизнесменами. Вместе с тем они оценивают условия для развития бизнеса в стране как крайне низкие.

Молодежь и политические взгляды

Среди молодых людей 18–24 лет есть аполитичная составляющая — те, кто не интересуется политикой, и те, кто «за все хорошее». Есть демократические и либеральные взгляды — около половины опрошенных. Однако от 30% до 50% наших юных сограждан затруд-

няются дать оценку даже таким историческим событиям, как сталинские репрессии и перестройка. А среди заявивших о приверженности либеральным ценностям половина оказались сторонниками ЛДПР.

В результате «путинское поколение» пока что склонно скорее встроиться в систему, чем пытаться ее изменить. Например, версия о высоком интересе молодых и подростков к протестным митингам оказалась неверной. Более того, молодежь склонна заимствовать политические установки у родителей и официальной пропаганды. Например, парадоксальным образом в таком вопросе, как блокировка Telegram, большинство молодых высказывают одобрение действиям

властей. Как можно отметить, у них нет четких и содержательных ответов об идеальном устройстве государства. Основные причины — отсутствие самостоятельности и низкий уровень образования, причем даже у студентов ведущих столичных вузов. В результате регулярно обсуждают политику с друзьями и коллегами лишь 14%. В этом плане российское поколение Z складывается в соответствии с мировыми трендами.

Отличия поколения Z

Одним из самых ярких отличий российской молодежи от старших является возрастающая симпатия молодых к США и к Западу в целом — до 60%. Эта тенденция резко расходится с общим для страны трендом, который задают пожилые люди в политическом руководстве и их избиратели. Причем антагонизм отцов и детей начал расти с конца 2014 года, то есть как раз на пике автаркической риторики, а затем снова резко усилился в 2017 году. Участники фокус-групп говорили о западном обществе как о более современном, технологически развитом и вовсе не спешили гордиться родными тысячелетними скрепами.

Их авторитеты

Если сравнивать молодых и пожилых россиян, то еще более драматичными выглядят изменения в медиапотреблении. Три четверти россиян 18–24 лет заходят в интернет по несколько раз в день, что на 40% больше, чем в целом по стране. Наибольшей популярностью пользуется соцсеть «ВКонтакте»: там бьют 80% (в два раза больше, чем по всем возрастным группам). На второе место за последние три года вырвался Instagram, где сидит половина всей молодежи (по стране — 18%). С небольшим отрывом третье место досталось YouTube (по стране — 23%).

Если говорить об интернете как об источнике новостей, то именно в этом поколении впервые в истории страны сеть обогнала телевизор (этот тренд скоро коснется и поколения 25–39 лет, среди которых телевизор пока что предпочитают 59%). «Первый канал» молодым заменила страница «Яндекс.Новости». Вторым среди всех источников новостей молодые называют шоу Урганта (30%). Медленно, но верно набирает популярность среди молодежи YouTube-канал Юрия Дудя (8%). Стоит отметить, что авторитетом его назвали столько же, сколько Дмитрия Киселева, — 7%. Но их обоих по-прежнему опережают шоумены Андрей Малахов и Владимир Соловьев (по 15%).

Grossmann Group

Работаем с 1986 года
в более 20-ти странах мира

Grossmann Group

Разработчик, производитель и поставщик комплексных технических решений, в том числе EPC-проектов, оборудования и материалов для предприятий химической, нефтегазовой, энергетической отраслей промышленности.

«Гроссманн Групп» – разработчик и производитель следующих типов оборудования:

- Компрессорное оборудование
- Аппараты воздушного охлаждения (АВО)
- Устройства и установки слива и налива нефти, нефтепродуктов и химической продукции
- Реакторное, ёмкостное, печное и теплообменное оборудование
- Водоочистное и водоподготовительное оборудование.

Наши основные решения:

- Реализация EPC-проектов
- Газовые технологии: подготовка и переработка природного, попутного и иных газов
- Водные технологии: водоподготовка, очистка промышленных и коммунально-бытовых сточных вод
- Технологии отгрузки, смешения и учета нефтегазовой и химической продукции
- Комплексная автоматизация производств.

Миссия «Гроссманн Групп»: создание эффективных технологических систем для решения самых амбициозных задач заказчиков, привлекая для этого свои лучшие ресурсы и проверенных бизнес-партнеров.

www.grossmann.group

Революционные войска у Бранденбургских ворот

ДАТА

Уроки ноября

В ноябре исполнилось 100 лет с момента Ноябрьской революции в Германии. О том, как сегодня немецкое общество воспринимает это событие, в своей статье для «Д» рассказывает научный сотрудник МГИМО МИДа **Артем Соколов**.

Артем Соколов

Юбилей Ноябрьской революции в Германии вызвал кратковременный, но яркий всплеск интереса к этому событию немецкой истории со стороны политиков и журналистов. Многочисленные публикации в газетах вспоминали о первых днях первой немецкой демократии, стремясь поставить их в тот или иной логический ряд истории Германии. Ноябрь 1918 года вспоминали и в Бундестаге, откуда 100 лет назад была провозглашена Веймарская республика. Между тем Ноябрьскую революцию сложно назвать популярным сюжетом в истории Германии. Этому есть несколько объяснений.

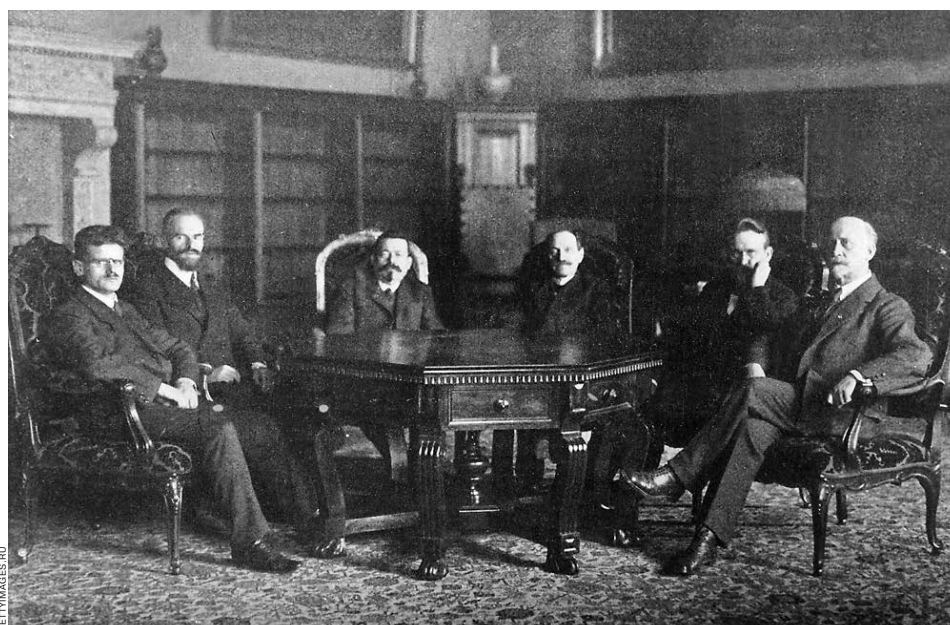
Во-первых, Ноябрьская революция прошла на немецкий манер — сдержанно и дисциплинировано. Накал борьбы сильно уступал по своему масштабу событиям в России, прошедшим годом ранее. Имевшие возможность сравнить Петроград в 1917 году и Берлин в 1918 году отмечали абсолютную непохожесть ситуаций в столицах двух империй. По словам одного из русских офицеров — очевидца двух революций, в характере ноябрьских событий в Германии «не было ничего „разухабистого“, дошедшего „до точки“ в уличных сценах», а «солдаты с красными флагами кричали и приветствовали толпы прохожих как будто нехотя, как будто исполняя обязанность, смысл которой неясен или цель сомнительна». Революционная волна в Германии не породила ярких образов или лидеров, оставшихся в этом смысле эмоциональным буфером между Первой мировой войной и Веймарской республикой.

Во-вторых, на протяжении всего XX века немецкие политики не стремились выводить родословную германской демократии из серых ноябрьских дней 1918 года, упоминая о них скорее вынужденно, чем по осознанному желанию. В веймарской «демократии без демократов» стремились подчеркнуть важность Национального собрания, выработавшего текст новой конституции (как оказалось, не самой удачной), оставляя боевые заслуги кильских матросов на заднем плане. В Третьем рейхе по понятным причинам говорить о 1918 году можно было только в контексте «легенды об ударе кинжалом в спину» и «ноябрьских преступников». Наконец, для послевоенной ФРГ опыт Веймарской республики воспринимался в качестве ущербной модели, ошибок которой необходимо избегать, и Ноябрьская революция автоматически становилась частью большой неудачной истории. Даже социалистическая ГДР была в первую очередь «восстановленной из руин» Второй мировой войны, несмотря на уважительное отношение к фигурам Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Революция 1918 года отталкивала консерваторов самим фактом своего существования и была несимпатична левым силам, для которых она оставалась слишком нерешительной.

Ангела Меркель предпочла не упоминать Ноябрьскую революцию напрямую

В-третьих, историки до сих пор спорят о том, можно ли называть Ноябрьскую революцию революцией в полном смысле этого слова. Отречение Вильгельма II было встречено народным ликованием, однако еще двумя годами ранее его фактически отстранили от дел стараниями «тихой диктатуры» Гинденбурга и Людендорфа. Большинство кайзеровских чиновников смогли относительно спокойно пережить напряженные недели на своих местах и продолжить работу в республике. Меньше повезло военной элите: именно в их воспоминаниях революция чаще всего изображается временем хаоса и беззакония. Однако и они в итоге смогли обеспечить собственное выживание — как физическое, так и политическое, в отличие от русских коллег. Политики, выдвинутые Ноябрьской революцией на руководящие позиции в Германии, стремились не столько провести реформы и социальные преобразования, сколько не допустить их чрезмерного углубления и радикализации. «Старый мир» слишком легко стал частью республики, обеспечив, по мнению многих исследователей, ее стремительный закат.

В итоге революция в Германии была вынуждена довольствоваться весьма скромным вниманием как со стороны профессиональных

Первый Совет народных депутатов — правительство Ноябрьской революции — составляли члены двух партий: Социал-демократической и Независимой социал-демократической

Солдаты и гражданские берлинцы на баррикадах революции

Революционный моряк держит речь на митинге берлинских жителей

историков, так и широкой общественности. По меркам насыщенной немецкой истории XX века она отошла в сторону перед мировыми войнами, национал-социализмом и германским расколом. Репутация «мертворожденной» окончательно закрепляла за ней низкий интерес исследовательского сообщества.

Тем не менее вековой юбилей Ноябрьской революции смог удостоиться особого внимания в ФРГ и не потеряться на фоне годовщины окончания Первой мировой войны и «Хрустальной ночи» 1938 года. Президент ФРГ Франк-Вальтер Штайнмайер произнес в Бундестаге продолжительную речь, посвященную годовщине революции. Начав свое выступление с революционного лозунга Филиппа Шейдемана «Да здравствует Германская республика!», он рассказал об уроках ноябрьских событий для современных демократических институтов ФРГ.

Штайнмайер подтвердил, что событиям ноября 1918 года уделяется мало внимания и их роль в становлении современной немецкой демократии еще предстоит оценить. Несмотря на короткий век Веймарской республики, ее опыт был использован политиками послевоенной Германии. Президент ФРГ отметил: «Мысли и поступки демократов веймарских времен простирались дальше первой германской республики. Основатели ФРГ, многие из которых сформировались в Веймарской республике, смогли после 1945 года опираться на свои знания и извлечь опыт из своих ошибок». Были процитированы слова авторитетного немецкого историка Генриха-Августа Винклера о том, что «Бонн не постигла судьба Веймара потому, что Веймар уже существовал».

Франк-Вальтер Штайнмайер напомнил депутатам Бундестага об уязвимости парламентской демократии, указав на то, что ее устойчивость не является предопределенной. За потенциальными источниками угроз в речи президента безошибочно угадывались действия партии «Альтернатива для Германии» и скандальная риторика Дональда Трампа. Президент ФРГ отметил: «Своими поступками мы должны доказать, что мы, немцы, уяснили для себя необходимость быть бдительными перед лицом нашей истории! Мы должны действовать везде, где нарушается достоинство другого! Мы должны выступать против голосов, призывающих к ненависти! <...> И кроме того, мы должны бороться за единство Европы и поддерживать международный порядок, который оспаривается даже нашими партнерами».

Любопытно, что Ангела Меркель, в свою очередь, предпочла не упоминать о Ноябрьской революции напрямую, обратив основное внимание на одно из ее последствий — введение избирательного права для немецких женщин. По мнению канцлерши, это было «фундаментальное политическое решение, которое было необходимо для равенства мужчин и женщин». Указав на то, что еще не все проблемы гендерного равенства нашли свое решение, она выступила за увеличение доли женщин в руководящих органах предприятий.

Могут ли уроки революционных событий столетней давности быть востребованными в современном немецком обществе? На первый взгляд сложно представить, какие точки соприкосновения можно найти у кайзеровской империи на излете своего существования и современной ФРГ. Однако призыв Штайнмайера помнить о том, что демократические парламентские институты не являются чем-то предопределенным и гарантированным, демонстрирует запрос на дальнейшее осмысление Ноябрьской революции и Веймарской республики. Начало первой немецкой демократии является такой же частью ее истории, как и ее бесславный конец.

В последнее время немецкое правительство все чаще вынуждено выступать с позиции «морального компаса» западного мира. Набор ценностей, ранее казавшийся неизменным, теперь приходится защищать не только от волны популистов и идеологических оппонентов, но и от ближайших союзников, представлявших некогда образец для подражания. Германский истеблишмент озабочен растущей неопределенностью во внутренней и внешней политике. Беспорядки после резонансного убийства в Хемнице уже заставили журналистов провести красноречивые аналогии с веймарскими временами. В этих условиях пример «демократов первого часа» Веймарской республики может стать полезным дополнением для идейного багажа германских политиков.

Ноябрьскую революцию сложно назвать популярным сюжетом в истории Германии

ЭКОЛОГИЯ

Чистая страна — здоровая страна

Между форумами «Петербургский диалог» проходят заседания его рабочих групп. Не так давно прошло заседание группы «Экология». Ее участники обсудили исполнение Парижского соглашения по климату, а также перспективы сотрудничества наших стран в сфере управления отходами. О ходе этой дискуссии для «Д» рассказал руководитель экологической комиссии форума с российской стороны **Сергей Цыпленков**.

— Как прошло заседание рабочей группы «Экология» в ходе последнего «Петербургского диалога»?

— Программой была запланирована дискуссия о текущих актуальных экологических тенденциях в Германии и России, при этом особое внимание предполагалось уделить угольной промышленности и связанным с ней экологическим проблемам. С германской стороны в этом заседании участвовало пять экспертов. С российской стороны помимо экспертов в дискуссии приняли участие и представители власти из Минприроды и Минэнерго. Российская сторона представила национальный проект «Экология», реализация которого рассчитана до 2024 года. Майя Колосенцева из Минприроды рассказала о принимаемых страной мерах по сокращению негативного воздействия на окружающую среду. Сейчас наиболее чувствительная сфера для жителей России — управление отходами. По результатам реализации нацпроекта правительство сформирует современную комплексную систему обращения с отходами, в том числе опасными. Эта задача общая, она ложится не только на Министерство природных ресурсов и другие федеральные органы исполнительной власти, которые являются соисполнителями проекта, но и на местные органы власти.

— Велась ли речь о каких-то совместных проектах?

— В ходе заседания обсуждалось сотрудничество России и Германии в сфере охраны окружающей среды. В рамках международной инициативы по защите климата действует проект «Климатически нейтральное обращение с отходами в Российской Федерации». Развитие НДТ — это внедрение наилучших экологически чистых технологий на предприятиях. Внедрение эффективной системы по обращению с отходами, где есть и их переработка, и их вовлечение во вторичный оборот, и ликвидация накопленного экологического вреда. Все предприятия страны мы поставили на учет и классифицировали их по мере воздействия на воду, воздух и почву. В России уже действуют несколько крупных немецких фирм, применяющих самые передовые технологии в данной области.

— Какой немецкий опыт в сфере защиты окружающей среды был бы полезен России в первую очередь?

— Опыт Германии был бы в первую очередь полезен в области внедрения наилучших доступных технологий и организации порядка выдачи комплексных экологических разрешений — соответствующий законопроект для российских компаний сейчас находится на рассмотрении в правительстве РФ.

МНЕНИЯ

Штефан Шуриг, член всемирного совета по вопросам будущего World Future Council:

— Необходимо переосмыслить понятие города и снова сделать его самодостаточным, не поступаясь при этом ни уровнем благосостояния, ни уровнем вовлеченности общества в процесс принятия решений. Прежние «аглополисы» давно стали «метрополисами» и теперь должны превратиться в «экополисы», чтобы их поступательное развитие оставалось устойчивым. Мир будет идти в сторону мегаполисов, оказывающих отрицательное воздействие на окружающую среду, поэтому нужно полностью изменить не только систему энергообеспечения, но и строительные материалы (например, уходить от цемента к большему использованию древесины, биомассы и т. д.).

Феликс Маттес, координатор исследований Экоинститута в сфере энергетической и климатической политики:

— Сокращение доли угля в генерации электроэнергии имеет важное политическое значение с учетом возраста оборудования, видов угля (бурого или каменного) и местонахождения основных объектов угольной промышленности (электростанций и горных выработок). Например, экономически слабый восточногерманский регион Лаузиц, где расположены относительно новые электростанции на буром угле с высокими выбросами CO₂.

Михаил Юлкин, генеральный директор Центра экологических инвестиций:

— Парижское соглашение установило определенные стандарты, но на самом деле мировую экономику невозможно отрегулировать с помощью договора. Движение должно начинаться «снизу» за счет развития прорывных технологий, например в сфере возобновляемых источников или хранения энергии. Внедрение таких технологий постепенно сделает рынки ископаемых энергоресурсов «рынками покупателей», что приведет к перераспределению власти в системе международных отношений. Например, в России есть лесопильное предприятие на Урале, которое использует возобновляемую энергию. В то же время в Рос-

сии отсутствуют меры по стимулированию трансформации энергетического сектора, по выбросам CO₂ даже нет надежной статистики, а борьба с глобальным потеплением не является стратегической целью. Чтобы изменить ситуацию, климатическая политика должна стать значимой для тех, кто определяет стратегию развития страны. Работу по этому вопросу мог бы взять на себя Институт стратегических исследований.

Владимир Сливяк, сопредседатель экологической общественной организации «Экозащита»:

— Россия специфически подходит к энергетическому использованию угля. Так, в регионе Кузбасс на западе Сибири общественность традиционно не была негативно настроена по отношению к углю, так как борьба с глобальным потеплением не является для жителей политическим приоритетом. Тем не менее сегодня противников разработки угля становится все больше, так как люди начинают опасаться за свое здоровье: особенную опасность представляет токсичная зола, которая образуется в результате сжигания угля, а затем оседает в прудах при электростанциях в виде шлака. Если такие пруды в дальнейшем пересыхают, то зола свободно разносится ветром.

Доктор Рольф Петри, международный эксперт по вопросам структурных преобразований, регулирования добычи полезных ископаемых и охраны окружающей среды:

— В Германии таких прудов просто не может быть, так как зола используется в дорожном строительстве и других работах, то есть представляет собой востребованный на рынке материал. Действующий федеральный закон о горных разработках принят еще в 1980-е годы и фактически представляет собой закон о сырье, а также определяет, кто должен финансировать возмещение остаточного экологического ущерба: ответственность за это несут компания и ее правопреемники, а в случае их отсутствия — государство. Таким образом, исключается существование бесхозных заброшенных площадей, не соответствующих санитарным нормам, — ситуации, которая была характерна для бывшей территории ГДР после 1990 года.

Кварцверке – Больше чем просто горная промышленность

- Устойчивое развитие как перспективный образ предприятия
- Надежное снабжение ключевых отраслей промышленности промышленными минералами
- Инновационные продукты - традиционные ценности
- Социальная ответственность за работников и соседей
- Награда за мероприятия по сохранению биоразнообразия

Quarzwерке

СЕМЕЙНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ С 1884 ГОДА

www.quarzwерке.com

КНИГИ

Пролог или эпилог?

Роман Михаила Булгакова «Белая гвардия», написанный почти 100 лет назад, вышел в новом переводе на немецкий язык. О его особенностях рассуждает Пауль Оствальд.

Москва, 1930 год. Советский писатель Михаил Булгаков сидит за своим столом, погруженный в уныние. Сначала со сцен театров изгнали его персонажей, а теперь к тому же забрали и рукописи. Иосиф Сталин приступил к масштабному переустройству советского общества, которое еще только приведет к гибели миллионов людей.

Одна из задекларированных целей — представители интеллигенции, имевшие связи со старой, царской Россией и сомневавшиеся в авторитете новых властей. К Булгакову было применимо как первое, так и второе. Отчаявшись, в марте 1930 года писатель делает то, что умеет делать лучше всего: он пишет. На этот раз — письмо Иосифу Сталину. «Вся пресса СССР, а с нею вместе и все учреждения, которым поручен контроль репертуара, в течение всех лет моей литературной работы единодушно и с необыкновенной яркостью доказывали, что произведения Михаила Булгакова в СССР не могут существовать. И я заявляю, что пресса СССР совершенно права. Я прошу правительство СССР приказать мне в срочном порядке покинуть пределы СССР», — пишет он. И получает ответ — по телефону, лично от Сталина: дескать, не хотите ли лучше устроиться работать в московский театр? Булгаков предложение принимает.

Вероятно, это самый курьезный эпизод в такой незаурядной жизни Булгакова, нетипичного советского гражданина, чей роман «Мастер и Маргарита» в числе прочих заложил фундамент русского модернизма. Всю свою жизнь автор переходил границы: между своей первой родной Украиной и второй — Россией, между бытием диссидента и сталинского любимца, между реализмом и магизмом.

Его писательская карьера началась в смутное послевоенное время с романа «Белая гвардия», который 100 лет спустя выйдет на немецком языке в новом переводе Александра Нитцберга. Это удачный момент, ведь большой роман о поиске украинцами собственной идентичности начиная с 2014 года все более и более актуален.

«Белая гвардия» описывает судьбу 28-летнего Алексея Турбина, который вместе с братом и сестрой живет в оккупированном немцами Киеве, когда в декабре 1918 года в город входят войска украинского националиста Симона Петлюры. Турбин, который, как и сам Булгаков, изучает медицину и является человеком старого, царского мира, не может скрыть презрение к неогосударственному и антисемитскому национализму Петлюры. Вновь изобретаемый украинский язык, превращающий Харьков в Харьков, ему тоже не по душе. Он возмущается, вспоминая разговор с националистом, «разучившемся» говорить по-русски, но так и не научившемся говорить «на этом проклятом языке»: «... Так вот спрашиваю: как по-украински «кот»? Он отвечает «кит». Спрашиваю: «А как кит»? А он остановился, вытаращил глаза и молчит. И теперь не кланяется».

Николка с треском захохотал и сказал — Слова «кит» у них не может быть, потому что на Украине не водятся киты».

Всю эту булгаковскую иронию Нитцберг пытается сохранить в своем переводе. «... Между строк здесь уже мерцает эра фантастического, которая позднее просияет в «Мастере и Маргарите».

Среди марионеточного режима периода немецкой оккупации и полчищ крестьян-националистов Турбины и белоохраны пытаются сохранить то исчезающее, что придавало старому миру его блеск: зачитанные книги в библиотеках, аристократические манеры, веру в иерархич-

Так выглядит «Белая гвардия» в полюбившемся России фильме режиссера Сергея Снежкина

ный, упорядоченный мир. Маленькая квартирка Турбиных с накрахмаленными скатертями и тикающими напольными часами становится капсулой времени в разгуле анархии. Но удержаться удастся недолго. Но потом Киев занимают националисты, а царская Россия, окончательно разбитая, покидает мировую арену.

Он возмущается, вспоминая разговор с националистом, «разучившемся» говорить по-русски, но так и не научившемся говорить «на этом проклятом языке»

Булгакову, выходящему из того же слоя общества, что и Турбин, не всегда удается скрывать симпатии к своему герою, к его сентиментальности — это подмечали и его критики. Вскоре после публикации издателя, цензоры и режиссеры бились с Булгаковым за право на собственную интерпретацию. Различные версии попадают за границу и публикуются, вопреки стараниям Булгакова. Вплоть до 1990-х годов весь этот разный будет доминировать в дискуссии об истинной авторской редакции. «От меня осталась только тень, каковую можно будет показывать в виде бесплатного приложения к озаглавленной пьесе» — так он сам комментировал ситуацию в одном письме. Якобы авторизованная версия двух последних глав была включена в перевод Решке 1992 года, однако в версии Нитцберга вновь была исключена из текста романа.

Потом вокруг булгаковского эпоса надолго воцаряется тишина. И только новая экранизация российского режиссера Сергея Снежкина в 2012 году вновь пробуждает это произведение к жизни. В ней показывается

тот Турбин, для которого украинский национализм — это фарс, вызывающий смех. Вскоре после аннексии Крыма в 2014 году украинское правительство запретило восьмисерийный фильм. В России, напротив, «Белая гвардия» с 2013 года включена в список литературы, рекомендованной российским Минобразования для самостоятельного чтения.

Но что же на протяжении почти 100 лет делает появление «Белой гвардии» событием политическим? Автор романа, казалось бы, представитель украинской интеллигенции, дискредитирует идею украинской независимости. Но, возможно, для Булгакова Турбин немногим больше, чем реакционная личность, а белая гвардия не что иное, как литературная проработка Октябрьской революции? Как в 2016 году заметил бухомский языковед Александр Забирко, «единство места и мнимая похожесть действия» скандальным образом «заставляют забыть об отсутствии единства времени». Украинский национализм образца 1918 года, столь ненавистный Турбину, с тех пор претерпел множество перемен. И это притом, что даже ос-

меянный Булгаковым Петлюра остается определенным ориентиром для таких политиков, как экс-президент Виктор Ющенко.

Так что же, Булгаков предстает в роли знаменосца определенного российского экспансионизма? Вероятно, сам он чувствовал бы себя в ней весьма неуютно. В своем письме к Сталину он высказал пожелание, чтобы его воспринимали как писателя, стоящего над всеми фракциями. Когда в 1940 году в Москве Булгакова не стало, Сталин как раз расширил Украину за счет запада Польши. В Москве шла только одна пьеса драматурга — адаптация «Белой гвардии», настолько переделанная и искаженная, что она смогла попасть на советские сцены и стать одним из любимых произведений Сталина.

Заново написанная концовка, пожалуй, идеально вписывается в контекст украинской политдискуссии. «Господа, сегодняшний вечер — великий пролог к новой исторической пьесе», — подытоживает брат Турбина Николка. Однако последнее слово остается не за ним. Споры о наследии Булгакова разгораются заново.

Безопасность — Не взирая ни на что. Или ни на КОГО.

Чувство безопасности — это уверенность в надежной защите. От ветра и непогоды, а также и от непрошенных гостей и взломщиков. Раздвижные системы Schüco исключают любую опасность. В этом Вы можете быть уверены. www.schueco.ru

Окна. Двери. Фасады.

SCHÜCO

РЕЦЕНЗИЯ

Трудности перевода

Вновь обретенный немецкоязычный оригинал романа Артура Кёстлера «Слепящая тьма» (нем. «Sonnenfinsternis», англ. «Darkness at Noon») открывает возможности для новой интерпретации этого классического литературного произведения и политического явления. О новых перспективах для «Д» рассказывает **Лутц Лихтенбергер**.

Лутц
Лихтенбергер

Политический роман на злобу дня, предостережение, сведения счетов со всеми формами тоталитаризма, пленяющая литературная антиутопия. «Слепящая тьма» Артура Кёстлера — произведение мировой классики — уже в третий раз дождалась своего часа.

Кёстлер, родившийся в Будапеште, выросший в Вене и писавший свои произведения на немецком языке, работал над книгой в эмиграции в Париже с лета 1938 года по весну 1940 года. Потом ему пришлось покинуть французскую столицу и бежать от нацистов. Во время бегства единственный немецкий экземпляр был утрачен, и только 75 лет спустя немецкий литературовед Маттиас Вессель нашел рукопись в архиве одного швейцарского издательства.

Дафна Харди Генрион, состоявшая в близких отношениях с Кёстлером, сделала перевод «Слепящей тьмы» на английский язык и отправила его в Лондон. В отсутствие оригинала ее текст стал «подлинником», с которого роман перевели на 30 языков, включая и сам немецкий. Это случай, не имеющий аналогов в современной истории литературы, как отмечает биограф Кёстлера Майкл Скэмелл.

«Слепящая тьма» посредством выразительных, пугающих картин рассказывает историю жизни и смерти вымышленного персонажа Николая Рубашова, одного из вождей революции, которого арестовывают и сажают в тюрьму. Его подвергают мучительным пыткам двое следователей — Иванов, в прошлом друг и единомышленник, и Глеткин, жестокий, бесцеремонный инквизитор. Используя приемы манипуляции, они вынуждают Рубашова сознаться в преступлениях, которых тот никогда не совершал.

По выражению Майкла Скэммела, это своего рода «интеллектуальный политтриллер», ставший и политическим явлением, и хитом

Артур Кёстлер времен успеха «Слепящей тьмы»

продаж, и произведением, восторженно встреченным критиками. В 1998 году Современная библиотека (Modern Library) в США поместила эту книгу на восьмое место в списке 100 важнейших произведений XX века.

Вплоть до своего ареста во время испанской гражданской войны в 1937 году Кёстлер сам был коммунистом. Поэтому он, в частности, задавался вопросом, как НКВД удалось заставить таких известных партийных лидеров, как Николай

Бухарин, Григорий Зиновьев или Карл Радек, сознаться в преступлениях, которых те не совершали, и тем самым подписать собственный смертный приговор.

Страна, в которой происходит действие книги, остается неназванной. Местами в тексте романа содержатся отсылки к национал-социалистической Германии, а также к СССР. Как пишет Скэмелл, понимающие критики с самого начала указывали на то, что ускользало от других: Кёстлер одним из первых писателей подметил «усиливающееся сходство между советским режимом и режимом нацистским». И еще: посыл Кёстлера был в большей мере антигитлеровским, нежели антисоветским.

Книга стала бестселлером. Только во Франции в 1946 году за первый месяц было продано 70 тыс. экземпляров. В Париже люди выстраивались в очередь перед тамошним издательством, чтобы заполучить экземпляр — рассказывали, что при перепродаже цена могла быть в восемь раз выше первоначальной. К середине года распроданный тираж составил уже 300 тыс., а за два года достиг 2 млн. Однако по мере расползания холодной войны анти-тоталитарный, универсальный посыл отходил на второй план. Аналогично случившемуся с Франком Кафкой, произведения которого

В Париже люди выстраивались в очередь перед издательством, чтобы заполучить экземпляр... При перепродаже цена могла быть в 8 раз выше первоначальной

появлялись в период с 1908 по 1924 год, часть литературоведов и широкие политико-интеллектуальные круги как бы оказались в плену у исключительно антикоммунистической интерпретации. К тому же «Слепящая тьма» воспринималась как доказательство правильности холодной войны.

Первый немецкий перевод вышел в свет в 1948 году. Для немецкой публики Кёстлер был британским писателем: все его труды переводились с английского языка. Биограф Скэмелл говорит, что немцы считали роман «продуктом чужой культуры». Это приводило к тому, что немцы просто не замечали многих отсылок к тоталитарной Германии и видели только то, что относилось к СССР.

Обнаружение оригинальной рукописи — большое событие еще и потому, что оно дает возможность лучше понять политическое измерение романа. Дафна Харди Генрион, переводчица и автор исход-

ного текста», ранее не переводила на английский язык книги. Дебютушке только-только исполнился 21 год, к тому же работать приходилось в условиях очень жестких сроков. С практикой советской и национал-социалистической тайной полиции и с механизмами, существующими в тоталитарных государствах, она не была знакома. Большевикскую терминологию она заменила британскими правовыми представлениями и понятиями, из-за чего система представляла в более мягкой и цивилизованном свете.

Сегодня мы можем объяснить появление тех или иных принципиальных «ошибок». Так, в первом (обратном) переводе на немецкий язык за абстрактными формулировками трудно разглядеть те параллели, которые проводил Кёстлер.

Маттиас Вессель, который нашел рукопись, также исследовал документы в Немецком историческом институте в Москве и в Российском государственном военном архиве. Вероятно, теперь мы можем ждать появления исчерпывающего, систематического анализа обеих версий. В послесловии к переработанному изданию 1960 года Кёстлер писал: «Я сам сделал перевод „Слепящей тьмы“ на немецкий язык, но меня не покидает чувство, что спонтанность оригинала все же была потеряна».

Зато теперь немецкие читатели смогут первыми не только наслаждаться этой спонтанностью в полной мере, но и сделать собственные полит-исторические выводы. Заново перевести книгу на другие языки на основании вновь обретенной рукописи представляется интересным не только с литературных позиций, причем в идеале хорошо было бы охватить все 30 языков, на которых она издавалась ранее.

МНЕНИЕ

Искусство быть свободным

Ограничения искусства и притеснение его деятелей имеют значительно больший резонанс, чем думают исполнители подобных акций.

Почему это так, размышляет **Клаус Штерн**, почетный президент Берлинской академии искусств (2006–2015 годы).

Клаус
Штерн

Всякий раз, когда в центре скандала или даже скандальчика оказываются деятели искусства, я уже знаю, что мне опять будет звонить кто-то из журналистов, чтобы услышать, как обстоят дела со свободой искусства в современной Германии. Вот мой стандартный ответ: «Хорошо, поскольку я целиком и полностью верю в немецкое правосудие». Против меня подавался 41 иск, и всякий раз суд вставал на мою сторону. Истцы, в числе которых были известные представители немецкой военной промышленности, какие бы гонорары они ни платили своим адвокатам, не могли ничего возразить против статьи 5 основного закона: искусство и наука, исследовательская и преподавательская деятельность свободны.

Однако никогда свобода искусства не была абсолютной, тотальной — нет, она возможна лишь в тех границах, в которых не нарушает общих законов, норм по защите детей и подростков, чести и достоинства граждан и не противоречит принципам конституции. Зато в этих рамках за каждого есть право высказать свое мнение устно и письменно, в текстовой и изобразительной форме. Но нужно быть готовым идти против течения, если слова и образы, особенно в виде сатиры, оскорбят и возмутят того, против кого они были направлены.

Против меня подавался 41 иск, и всякий раз суд вставал на мою сторону

ра всегда должна обладать познавательной ценностью, на что-то раскрывать глаза, что-то высвечивать.

В цифровой современности «социальных средств информации», как на Западе называют соцсети, границы того, что допустимо показывать и говорить, экстремально расширились, ведь авторы разжигающих ненависть комментариев и непотребных картинок скрывают-

ся за пеленой анонимности. Вместе с тем, пишет Ханно Раутерберг в своем сборнике эссе «Насколько свободное искусство?», формируется своего рода «кликтивизм, моментально распухающий до протеста большого количества людей». Ведь если в цифровом пространстве индивидуумы stanno сбиваться в аффектированные комьюнити, которые находят друг в друге подтверждение справедливости своих обид, это может сыграть против терпимости в отношении художественной презентации, стать реальной угрозой для произведений искусства и послужить «сдерживанию его действительности».

В 1987 году мне довелось дать толчок дискуссии о границах свободы искусства, когда появилась информация, что коллекционеры Ирена и Петер Людвиг хотят выставить в новом кельнском Музее Людвиг портретные бюсты работы Арно Брекера. До этого Петер Людвиг жаловался в одном интервью, что из-за «дефицита либеральности» ни в одном музее страны не хотят выставлять искусство периода национал-социализма, и винил в этом «огра-

что во времена Питлера это искусство прокладывало себе дорогу в музее посредством запугивания, террора и преступлений. Наиболее значительные художники XX века подвергались дискредитации как «вырожденцы», преследованиям и были вынуждены эмигрировать, в то время как створчатное государственное искусство, следовавшее идеологии нацизма, чувствовало себя вольготно. Сотни художников, критиков и сотрудников музеев присоединились тогда к нашему призыву.

Впрочем, я с самого начала не питал иллюзий, что эффект от этого будет действительно долгим, и выставка Брекера в 2006 году в Шверине стала тому подтверждением. Несмотря на все протесты, мэр города, директор Дома Шлезвиг-Гольштейна и земельное правительство решились на эту провокацию и посвятили Брекеру первую крупную выставку в публичном пространстве с момента окончания Второй мировой войны. Фотография моего критического комментария в книге отзывов стала для организаторов своего рода трофеем, включенным в опубликованный позднее каталог. Для городских властей туристический успех был в конечном счете важнее культурно-политического урона под знаменами «Свободу искусству, даже если это искусство национал-социализма».

Сегодня мы занимаемся не в последнюю очередь отстаиванием свободы искусства и слова во всем мире. Ведь на том, кто пользуется привилегией свободы искусства, лежит долг защищать эту свободу и для других, где бы они ни жили. В годы своего президентства в Берлинской академии искусств, еще несколько лет назад, я мог приглашать к нам коллег — писателей, карикатури-

стов, кураторов выставок, художников и скульпторов, которые сталкивались с притеснениями, угрозами и задержаниями. Посредством мероприятий с их участием мы обеспечивали им внимание большой аудитории в надежде, что публичные выступления послужат для них дополнительной защитой.

Еще мой предшественник приглашал Салмана Рушди, в 1989 году

Изоляция и домашний арест до процесса не смогли предотвратить формирование большого международного движения в знак солидарности с Серебрянниковым

приговоренного к смерти на основании фетвы. Я предложил высокую сцену Роберто Савиано, который заманился расследованиями дел мафии и которому недавно министр внутренних дел Италии Сальвини пригрозил лишением личной охраны силами полиции. В академию приезжал и датский карикатурист Курт Вестергор. Его карикатуры на Мухаммеда в газете Jyllands-Posten повлекли более чем серьезные последствия: покушение и продолжающуюся уже много лет постоянную охрану его дома. В числе гостей был и китайский художник Ай Вэйэй — вскоре после его освобождения из под домашнего ареста.

Наконец, академия снова и снова обращалась к деятелям искусства из России. Когда в 1990-х годах свыше 50 стипендиатов от всех видов искусства из Москвы были на три месяца приглашены в Берлин, никто в этот постсоветский период переменил не мог ожидать ограничений последующих лет. На это в своей речи в ака-

демии в 2011 году указал куратор Андрей Ерофеев, приговоренный московским судом за его выставку «Запретное искусство» к денежному штрафу. Вместе с Юрием Самодуровым, соратником Ерофеева, его обвинили в возбуждении религиозной вражды. По всей видимости, дело не обошлось без влиятельных представителей церкви, настаивавших на его судебном преследовании.

И, наконец, мне вспоминается судьба кинорежиссера Олега Сенцова, приговоренного к 20 годам заключения. Он только-только перенес голодовку, продолжавшуюся 144 дня. Протесты по всему миру, в которых принимают участие кинематографы, академики и вузы, пикеты перед российским посольством в Берлине до сих пор никакого результата не дали. Приговор ему лежит бременем в том числе и на германо-российских отношениях.

КИНО

Донбасс. Бессилие

Нынешней осенью состоялись премьеры двух фильмов, посвященных Донбассу, — украинского режиссера Сергея Лозницы и российского режиссера Рената Давлетьярова, снятых с противоположных политических позиций. Способен ли киноэкран сегодня примирять или он научился только разделять?

Андрей Архангельский

Про фильм Сергея Лозницы «Донбасс» (чей единственный показ планировался в московском «Гараже», но так и не состоялся) известно довольно много. После победы в Канне (программа «Особый взгляд», приз за лучшую режиссерскую работу) он вышел в прокат в нескольких странах, в том числе в Германии и на Украине. Фильм состоит из 13 перетекающих из одного в другой эпизодов, воссоздающих в игровом кино историю людей, которые живут на востоке Украины. Лозница не стал придумывать сюжет и героев, а попросту взял их «взаимы» у реальности: сцены большей частью позаимствованы из YouTube. В массовых сценах снимались в том числе жители Донбасса — всего около 2 тыс. человек, многие были участниками событий 2014 года.

Каннское жюри назвало этот фильм «пронзительным свидетельством», а оппоненты (которые у фильма, естественно, есть) — «злой пародией» и искажением. Здесь важен еще и жанр фильма — трагифарс. И не вышедший еще, но заранее подвергнутый критике в России фильм Алексея Красовского «Блокада», и запрещенный в нынешнем году «Смерть Сталина» Ианнуччи — тоже трагифарсы. Те, кто называет подобное кино «кошунством», часто не понимают специфики жанра. Взгляд Лозницы, конечно, не лишен злой иронии, но он направлен на общечеловеческие недостатки, а не только на жителей конкретного региона. Лозница если и высмеивает, то нечто общее, присущее всем носителям авторитарной идентичности, а именно архаичные представления о мире. Заметим также, что внимание режиссера сосредоточено на специфическом языке героев, который не только помогает коммуникации, сколько ее завуалирует или сознательно скрывает смысл — даже от самих говорящих. А поскольку язык и сознание напрямую связаны, этот фильм — попытка понять и описать именно сознание постсоветского человека. В этом смысле фильм Лозницы отсылает нас к традиции перестроечного кино, к работам Киры Муратовой.

Почти одновременно с выходом фильма Лозницы на Римском кинофестивале состоялась мировая премьера другого фильма почти с таким же названием — «Донбасс. Украина» Рената Давлетьярова. Действие фильма разворачивается в августе 2014 года на окраине Донецка. Молодой солдат украинской армии отправляется в зону боевых действий в качестве водителя. Спасаясь от обстрела, Андрей оказывается в подвале жилого дома, где знакомится с разными людьми, каждый из которых мечтает только о том, чтобы все это закончилось. Место действия то же, время то же, но ак-

Авторы вынуждены конкурировать с жестокой реальностью и настаивают на том, что лишь отражают ее, ничего не выдумывая от себя

центы в фильме расставлены противоположным образом. Пространство, в котором происходит действие фильма, не «потерявшее себя», как у Лозницы, а, наоборот, раскрывающее героев. Находясь в подвале вместе с другими — проукраинской активисткой, столичной волонтеркой, представителем интеллигенции и, конечно же, жителями Донбасса, украинский солдат «прозревает», приходя к выводу о том, что «нас посорили» и война никому не нужна. «Героя фильма неслучайно зовут Андрей Соколов, как звали героя „Судьбы человека“ Сергея Бондарчука, — замечает российский кинокритик Андрей Плахов. — Ассоциация с „Судьбой человека“ (1959) должна, видимо, перебросить мостик к традициям советского кино — гуманистического». Режиссер утверждает, что образы главных героев также позаимствованы из реальности. «Наш сценарист находился в Донбассе с самого начала всех событий. И в окончательный сценарий вошли несколько реальных историй. Действие фильма происходит не сегодня, а в 2014 году, где люди просто хотят выжить», — рассказал Ренат Давлетьяров на пресс-конференции. Фильм пока видели только кинокритики, в российский прокат он должен выйти не ранее весны 2019 года.

Несмотря на разные жанры и противоположные политические позиции, оба фильма все же имеют нечто общее. Авторы вынуждены конкурировать с жестокой реальностью и настаивают на том, что лишь отражают ее, ничего не выдумывая от себя. Оба автора сознательно уведат своих героев с места боев на периферию, на окраину войны. Правда, у Давлетьярова есть эпизоды боевых действий: по свидетельству кинокритика Натальи Барабанш, «воюет в фильме только украинская армия». Но формально оба автора настаивают на антивоенном характере своих работ. Лозница

Два фильма о Донбассе, два разных взгляда на войну, ее героев и жертв. Вверху: кадры из «Донбасса» Сергея Лозницы. Внизу: «Донбасс. Украина» Рената Давлетьярова

хотя и говорит, что «Донбасс — это не регион, а понятие», все же настаивает на том, что это фильм об общей «боли, которая вокруг нас». Давлетьяров также убеждал журналистов, что его фильм «не имеет отношения к политике». Что, впрочем, по мнению Натальи Барабанш, опровергается первыми же титрами фильма, сообщающими, что на Украине «произошел государственный переворот» — официальная формулировка, принятая в России по поводу событий 2014 года.

По количеству художественных фильмов о войне в Донбассе Украина сегодня лидирует с большим перевесом. Фильм Давлетьярова лишь представили на фестивале, в то время как на Украине уже вышел в прокат ряд фильмов на ту же тему: «Киборги» (2017, режиссер Ахтем Сеитблаев) о боях в донецком аэропорту, «Позывной „Бандерас“» (2018, режиссер Заза Буадзе) и вот теперь фильм Лозницы. Стоит отметить, что в России фильм о Донбассе также собирался снимать режиссер Владимир Бортко: это должна была быть экранизация нового романа Александра Проханова «Смерть городов». Известен бюджет будущего фильма — 309 млн руб., а также исполнители главных ролей: Владимир Меньшов и Алексей Чадов. Правда, в сентябре 2017 года Владимир Бортко заявил, что финансирование

фильма временно приостановлено: «Фильм четыре раза запрещали и четыре раза разрешили. Почему? Сопротивление нашей либеральной общественности страшное. Они его не хотят. Но думающие люди, настоящие патриоты во власти понимают необходимость этого фильма». Но загадочная история с фильмом Бортко объясняется, как можно предположить, вовсе не происками мифических «либералов» во власти. В России без отмашки государства едва ли возможно сегодня политическое высказывание о Донбассе, тем более на деньги самого же государства. И если фильм Бортко испытывает «трудности с финансированием», это можно понимать как сигнал: государство не спешит форсировать тему, предпочитая делать ставку на более «умеренную оценку» случившегося. Потому и первой российской художественной работой о Донбассе в итоге стал более «умеренный» фильм Давлетьярова. Судя по тому, что и фильм Давлетьярова не спешат ставить в прокат, можно предположить, что он пока предназначен скорее для международной аудитории — в качестве пробного шара: посмотреть на реакцию. Для внутренней же аудитории есть гораздо более эффективное средство — телевидение. Говорить то же самое еще и с помощью фильмов кому-то кажется, вероятно, избыточным и

расточительным. Кроме того, при всей риторике российский истеблишмент понимает, что привычные формы пропаганды — героическое кино про «наших» — сегодня уже не работают. Кинопублика стала изощреннее.

Однако даже при формальном желании авторов создать сегодня «антивоенное высказывание» чувствуется, что для этого нет ни воли, ни опыта, ни подходящего языка. Этот навык, несомненно, утрачен. Говорить про мир так же убедительно, как про войну, не получается. В итоге все равно на экране конструируется «война» — просто другими средствами. И единственное, о чем постсоветское кино сегодня нам сообщает, — именно о бессилии разрешить кровавый конфликт. Это и можно считать экзистенциальным ответом начала XXI века: мы опять не знаем, что делать с современным разорванным, потерянными сознанием, не знаем, что предложить человеку взамен имперских и тоталитарных «традиций». Альтернативой этой «войне в головах» можно считать разве что документальный фильм Виталия Манского «Родные» (2016), где по крайней мере предлагается «выслушать всех». О перспективах появления нового киноязыка в новых трагических обстоятельствах мы спросили кинокритика **Андрея Плахова**.

В фильме «Донбасс» Сергей Лозница смотрит на героев с юмором и иногда с симпатией

— Фильм Давлетьярова выглядит как ответ Лознице с его «Донбассом». Можем ли мы говорить о начале идейного противостояния теперь и на экране или же эти фильмы несравнимы?

— Они не сравнимы прежде всего по уровню — интеллектуальному и художественному. Даже если не во всем принимать эстетику Лозницы, даже если не разделять его политические позиции, все равно ясно, что это амбициозный художественный проект. У Давлетьярова нет таких амбиций, он пытается делать «аполитичное жанровое кино», но, посаженное на горячий материал Донбасса, оно неизбежно становится пропагандистским.

— Как реагирует международная, в данном случае — фестивальная, аудитория на показы фильмов? Достигается ли цель, которую ставят оба режиссера, — «объяснить миру», каждый со своей стороны, что происходит?

— Думаю, значительная часть этой аудитории, даже фестивальной, с трудом воспринимает политический контекст. Разве что черный гротеск Лозницы (я бы не назвал это юмором). По моим наблюдениям, итальянские киножурналисты теряются в оценках

Каннское жюри назвало «Донбасс» «пронзительным свидетельством», а оппоненты — «злой пародией» и искажением

украинской ситуации, не очень понимают, кто тут больше виноват и вообще кто есть кто. Ведь Давлетьяров намеренно не разделяет украинцев и русских, даже дает украинскому новобранцу имя Андрей Соколов. А когда иностранцы смотрят «Донбасс» Лозницы (действие происходит в не подконтрольном Украине Донецке) и, скажем, фильм «Вулкан» Романа Бондарчука (действие происходит в районе Каховки, на территории, подконтрольной Украине), то находят очень много общего: коррупцию, бардак, насилие. Пойди разберись. Только люди с промывками мозгами (таких полно среди наших соотечественников, живущих, например, в Лондоне) знают ответы на все вопросы и очень страдают «в атмосфере русофобии». Прямо хочется их пригласить в Москву и прописать в своей квартире.

— Авторы говорят, что в кино снимались люди, которые в том числе участвовали в конфликте или наблюдали его вблизи. Да и само кино о Донбассе выглядит копией с телевизионной картинкой. Нет ли тут рождения нового жанра «псевдодокументального свидетельства»?

— Я бы уточнил. Сценарий для Давлетьярова писал журналист, бывавший в Донбассе, но это все. Картина снималась в Крыму, и никакого наблюдения вблизи не заметно. Актрисы и актеры говорят с московским проносом, главный герой-ополченец по-голливудски белозуб, так что про аутентичность говорить не приходится. И, конечно, из каждого кадра вылезает телевизионные пропагандистские клише. Но и Лозница не был в Донбассе, а его картина снята на основе ютьюбовских роликов. Получается, что и тот, и другой фильмы действительно строились на «псевдодокументальных свидетельствах» — телевизионных или интернетовских. Только использовались они с разными целями и стилистически по-разному.

— Бывали ли в истории кино аналогичные кинопротоколы? Может ли тут служить аналогией кино о югославском конфликте в 1990-х годах?

— Классическое военное кино сформировалось на материале Первой и Второй мировых войн. В первом случае война трактовалась большей частью как бессмысленная бойня, и эти фильмы носили антивоенный, пацифистский характер. Зато во втором — были антифашистские высказывания: было ясно, кто свои, кто враги, и все коллизии Второй мировой трактовались с позиции победителей. А если снимали немцы, разумеется, они калялись и тоже разоблачали нацизм. Порадительный опыт предпринял Клинт Иствуд, снявший дилогию о битве на Иводзиме: один фильм с точки зрения американцев (причем и он довольно критический по отношению к американскому официозу, фальсифицировавшему военные подвиги), другой — с точки зрения попавших в ту же миссоруку японцев. Других столь же ярких аналогов не знаю. Конечно, можно вспомнить Вьетнам, но все же там силы были неравны: прославляли «зеленые береты» и подвиги Рэмбо режиссеры второго ряда, в основном же кино на эту тему было антивоенным («Апокалипсис наших дней» Коппола и многие другие знаменитые фильмы). Югославское кино может похвалиться сильными фильмами о войне с немцами, но в разгар конфликта 1990-х они ничего выдающегося не сняли. Потом появилось несколько эмоциональных картин, особенно с боснийской стороны, где разоблачаются преступления сербов («Прявица» Ясмилы Жбанич). Есть на эту тему и сербские фильмы, где тоже показана вина сербской стороны («Хорошая жена» Мирьяны Каранович). С обратной стороны ничего заметного, насколько я знаю, не появилось. Есть фильм «Мужчины не плачут» боснийского режиссера Алена Дрлjevика: собираются ветераны конфликта с разных сторон на сеанс психоанализа и выводят наружу свои травмы и чувство вины.

СУДЬБЫ

Немецкая сибиряда

В глухой Сибири системный аналитик из Гамбурга нашла свою любовь и вторую родину. Рассказывает Дарья Болль-Палиевская.

Дарья
Болль-Палиевская

Если поездку точно спланировать и заранее купить все билеты — а это почти невозможно, путь в Гамбург из забайкальской Средней Олёкмы занимает пять дней. Столько же и обратно. От деревушки с 80 жителями до ближайшего райцентра тысяча километров, связь с внешним миром только по спутниковому телефону, а температура зимой может опуститься до -50°C . Но именно эту деревню Карин Хасс называет своей второй родиной.

Деревянная изба без водопровода и канализации — теперь это ее дом. Рубить дрова, ходить по грибы, заготавливать пельмени с соленой и засаливать огурцы на зиму, топить печку — вот уже 13 лет для бывшего программиста из Германии это не экзотика, а привычные будни. Кто бы мог подумать, что сплав на байдарке по реке Олёкме целиком перевернет ее жизнь! Сибирская природа тогда так очаровала Карин, что она решила на необычный шаг — без знания языка пожить полгода в этих бесконечных просторах, попробовать простую и такую, какой казалось, романтическую жизнь среди дикой природы на вкус. Сняла в приглянувшейся деревушке дом и собиралась наслаждаться тишиной. Но не тут-то было.

В своей первой ставшей в Германии бестселлером книге «Чужая родина Сибирь» Карин Хасс пишет о том, что одиночество в Сибири — роскошь. Без соседей здесь просто не выжить. Отшельницей стать не получилось. Жительница европейского мегаполиса до сих пор не привыкла к сибирской манере без предупреждения и приглашения приходиться в гости. Но она всей душой полюбила жителей Олёкмы за их бесконечное гостеприимство, простоту и открытость.

Собственно, из-за любви таежная деревушка и стала ее вторым, а может быть, и первым домом. Слава, охотник из народа эвенков, на 20 лет моложе Карин. Но разве могут культурные, возрастные или языковые различия помешать, если речь идет о любви? Карин шутливо называет мужа «мой мачо».

Карин и Слава
у себя в Средней Олёкме

Обязанности в семье поделены традиционно: жена готовит, занимается домом и садом, муж отвечает за «тяжелую мужскую работу». «Вообще-то я феминистка», — признается Карин. — Но я же не могу починить, скажем, мотор снегохода, поменять запчасти в грузовике или почистить охотничье ружье. Тут не до эмансипации».

Во второй своей книге «Медвежье сало с перцем» она рассказывает о своей поездке с

«Чем больше я живу в Сибири, чем глубже погружаюсь в эту жизнь, тем больше поражаюсь ее противоречивости»

«таежным охотником» в Гамбурге. Германия ему понравилось, но «мой мир — это тайга», сказал Слава. Зато теперь он стал лучше понимать жену и то, от каких прелестей цивилизации она отказалась, чтобы быть рядом с ним. Это была их единственная совместная поездка в Европу. На такие общие развлечения у этой семьи просто нет времени.

В Средней Олёкме Карин уже давно своя. Она с тревогой наблюдает потепление климата и загрязнение рек из-за добычи золота. «Конечно, у нас еще прекрасный чистый воздух, а вот вода в Олёкме уже не такая прозрачная, как еще несколько лет назад, и мы часто находим погибшую рыбу. В этом году осень такая теплая, что до сих пор не замерзли реки, а значит, и зимняя охота еще не может начаться». Наверное, крохотная деревушка на краю земли рано или поздно окажется заброшенной? «Нет, молодежь, окончив школу или даже получив профессию, возвращается. Никакой город не заменит жизни в единении с природой. Здесь ощущаешь полную свободу. Денег нужно гора-

здо меньше. Да и без денег тебе не дадут умереть с голоду и не оставят в беде».

Тем не менее суровые условия жизни заставляют Карин задумываться о том, не пора ли возвращаться в Германию. «Ведь мне уже 75 лет. И хотя Слава мне во всем помогает, быт дается нелегко». Но ведь в Германии Слава жить не сможет. «Его мир — это тайга. Что он, человек природы, будет делать в Гамбурге? Такая жизнь стала бы для него просто адом!» — размышляет Карин. И вообще у него еще все впереди, а ей пора на покой. Оптимальное решение Карин и Слава пока не нашли. У них, получается, побеждает русское «авось», а не традиционная немецкая планируемость жизни.

Пожив три месяца в Гамбурге, насладившись общением с друзьями, кино или просто прогулкой по городу, Карин начинает тосковать по своей второй родине. «У меня заставка экрана ноутбука — фотография Олёкмы, и когда я смотрю на нее, то не могу себе представить, что никогда туда не вернусь». А на вопрос, появятся ли когда-нибудь в «ее» деревне такие достижения цивилизации, как водо-

провод и канализация, Карин с удивлением отвечает: «А зачем нам они? При морозах до минус пятидесяти все равно трубы только полопаются, да и вся техника замерзнет».

«Чем дольше я живу в Сибири и чем глубже погружаюсь в эту жизнь, тем больше поражаюсь ее противоречивости. Казалось бы, все давно должно было бы стать делом привычки. Но, наверное, потому, что я живу между Россией и Германией, разница в укладе жизни и менталитете все время бросается мне в глаза», — пишет Карин Хасс в своей третьей книге «В Сибири «все нормально», в которой целая глава посвящена вечной загадке — русской душе. «Может быть, загадка кроется как раз в этой неоднозначности, неуловимости, ведь русская душа полна противоречий. <...> В ней мирно уживаются доброта, доходящая до сентиментальности, с бездумной жесткостью, необыкновенная щедрость — с вопиющим эгоизмом, веселость до озорства и легкомыслия — с унынием и фатализмом». Неудивительно, что противоречивость русской души вызывает у стороннего наблюдателя такие же противоречивые чувства — «своего рода любовь-ненависть, в которой в зависимости от ситуации возобладают то неприязнь, то симпатия».

Сама Карин русскую душу так и не разгадала, хотя и перечитала все, что о ней писали великие: от Бердяева до Солженицына. Но одно она знает наверняка: «Я люблю русских и восхищаюсь ими прежде всего потому, что в трудностях они показывают настоящее величие и героизм, при этом никоим образом этим не гордясь. Именно их эмоциональность позволяет им беззаветно встать на защиту того, что они любят. Даже последний алкоголик из нашей деревни зубами и голыми руками будет защищать свою семью и родину. Русские склонны к самопожертвованию, и ничто так не сплачивает граждан на защиту „матушки России“, как враждебные действия извне».

Глядя со своей таежной родины на Запад, Карин переживает из-за враждебного отношения к России. То ли преднамеренно, то ли по незнанию, но Россия демонизируется Западом, считает она: «Я надеюсь, что в ближайшем будущем в Европе осознают, как важна общность России и Европы. К этому нужно стремиться».

Но политика политикой, а с Россией Карин Хасс связывает любовь. Глава в ее книге так и называется — «Объяснение в любви». Ведь ее душа всегда будет стремиться к этим «бесконечным лесам с их изобилием ягод, грибов и тайн, к прозрачным рекам и тихим озерам и к деревне с ее покосившимися деревянными избами и простыми жителями».

11 x ТПМК

Расширение Московского метрополитена до 2020 года.
Заказчик, подрядчики, 10 щитов с грунтопригрузом и 1 щит с гидropriгрузом фирмы Herrenknecht совместно работают над расширением метрополитена Москвы. Командный дух и мощност ТПМК играют решающую роль при строительстве более 160 км новых линий метро.

Комплексная поддержка
Уже более 20 лет представительство компании Herrenknecht в Москве предоставляет клиентам полный спектр сервисной поддержки.

Правильный выбор
Успешный опыт на более чем 460 проектах по всему миру. Такие метрополитены, как Москва, Сингапур, Куала-Лумпур, Нью-Йорк, Сан-Пауло и Лондон, доверяют тоннелепроходческой технике компании Herrenknecht.

Покупатели:
 > ООО Газтехлизинг
 > ООО Лизингом
 > ООО Мосметрострой
 > ОАО Строй Трест
 > ОАО Трансметрострой
 > ОАО УСК Мост

Pioneering Underground Technologies

> www.herrenknecht.com